

Альфред Мах

Второй разум

Альфред Мах
Второй разум

«Автор»

2026

Мах А.

Второй разум / А. Мах — «Автор», 2026

В центре сюжета — строительство стратегической автодороги в Пермском крае, которое неожиданно вскрывает древнюю, мутировавшую грибную сеть, обретшую зачатки разума. По мере продвижения работ герои: инженер и ученые раскрывают пугающую связь между радиационным наследием ядерных испытаний 1971 года и эволюцией мицелия, который подчиняет себе насекомых, управляет ими и защищает свою территорию от вторжения человека. Военные видят в грибе лишь угрозу, учёные тем временем пытаются понять природу «разума» леса, сталкиваясь с необъяснимыми явлениями: галлюцинациями у людей, поломки техники и нарастающей агрессией экосистемы, которая воспринимает человеческую технику как вторжение. Послание предельно ясно: «Вы нарушили баланс. Уходите, или мы защитим себя». Книга ставит острые вопросы о цене технологического прогресса, этике вмешательства в природу и возможности того, что сама Земля обладает формой сознания, способной к сопротивлению.

© Мах А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Проект "Тайга"	5
Глава 2. Новая дорога	10
Глава 3. Легенды Ядерного озера	28

Альфред Мах

Второй разум

Глава 1. Проект "Тайга"

1971 год

23 марта 1971 года небо над Чердынским районом Пермской области на мгновение померкло, словно сама Вселенная затаила дыхание. Затем вспыхнул ослепительный свет — не солнечный, а холодный, режущий сетчатку, будто гигантский прожектор, включившийся в крошечной тьме. В нескольких километрах от нежилой деревни Васюково, на глинистых склонах, где извилистая река Берёзовка петляла среди вековых елей, пробудились три ядерных заряда суммарной мощностью 45 килотонн — эквивалент трёх бомб, сброшенных на Хиросиму.

Первый взрыв прогремел ровно в 10:15 по местному времени. Земля вздрогнула, как будто пробудившись от векового сна. Глинистые пласты вспучились, выбрасывая фонтаны грунта — комья земли, пыль, раздробленные камни, — которые взмывали в небо, оставляя за собой шлейфы дыма. Следующие два заряда сработали с интервалом в пять минут, усиливая сейсмический хаос. Тайга, тысячелетиями стоявшая нерушимой, содрогалась, будто живое существо, подвергнувшееся жестокой пытке.

Воздух наполнился грохотом, который, казалось, исходил не только извне, но и изнутри самого тела: низкочастотный гул, вызывающий вибрацию в костях. Деревья скрипели, как старые скрипки, их корни вырывались из почвы, обнажая рыжеватую глину. Животные — лоси, зайцы, птицы — в панике разбежались, оставляя за собой следы хаоса.

Грибовидные облака, пыльные и угрюмые, поднялись над лесом. Они не были столь величественны, как термоядерные исполины, запечатлённые в хрониках Холодной войны, но их угрюмая мощь внушала ужас. Пыль, смешанная с радиоактивными частицами, оседала на ветвях, превращая зелень в серое полотно.

Всего в рамках проекта «Тайга» по созданию канала между реками Печорой и Колвой предусматривалось 250 ядерных взрывов, но были осуществлены только эти три [Примечание 1].

Координаты эпицентра были выбраны не случайно. Здесь, в сердце бескрайней тайги, где вековые сосны смыкались над головой, словно купол древнего храма, советские инженеры, вдохновлённые утопической идеей спасения мелеющего Каспийского моря, задумали дерзкий проект. Они собирались создать искусственный канал, соединяющий реки Печору и Колву, — инженерный подвиг, который, по их расчётам, позволил бы перераспределить водные ресурсы, остановить обмеление Каспия, оживить рыболовство, обеспечить водоснабжение засушливых районов.

Ядерные взрывы, мощные, неотвратимые, должны были выдолбить русло канала — быстро, эффективно, без многолетних трудов землекопов. Инженеры рисовали схемы, чертили графики, обсуждали параметры взрывов, словно речь шла о рутинной стройке. В их глазах читалась смесь энтузиазма и фанатизма: они верили, что стоят на пороге новой эры, когда атом станет не разрушителем, а созидателем, инструментом коммунистического прогресса.

В кабинетах Министерства геологии и Академии наук кипели споры. Одни учёные восхищались масштабом замысла, утверждая, что такой канал решит проблему Каспия раз и навсегда. Другие, более осторожные, указывали на риски радиационного загрязнения, непредсказуемые последствия для экосистемы, но их голоса тонули в общем гуле оптимизма.

Инженеры, многие из которых прошли войну, воспринимали проект как продолжение битвы — теперь уже за покорение природы. Их письма и дневники пестрели фразами вроде «наш долг перед страной», «преодолеть любые преграды», «показать миру, на что способен советский человек». Они видели в ядерных взрывах не угрозу, а инструмент, подобный гигантскому молоту, который разобьёт земную кору, чтобы проложить путь воде — и прогрессу.

Тайга, древняя, молчаливая, казалось, хранила тайну, не подозревая, что человек пришёл сюда не просто строить, а бросать вызов самой природе. Но инженеры, ослеплённые верой в науку, не замечали её шёпота. Для них это был лишь очередной фронт — где вместо танков работали ядерные заряды, а вместо победы над врагом — победа над стихией.

И пока в Москве обсуждали сметы и сроки, а в лабораториях готовили заряды, тайга ждала. Она помнила всё: и шаги древних охотников, и вой волков, и теперь — гул приближающихся бульдозеров, запах пороха и металла, который нес с собой человек, уверенный, что может переписать законы мироздания.

Подготовка шла в обстановке строгой секретности. Инженеры в брезентовых куртках сверяли расчёты, геологи бурили скважины, военные патрулировали периметр. Заряды закладывали на глубине 127 метров, тщательно моделируя траекторию ударной волны в глинистых пластах. «Чистые» заряды, как их называли, должны были минимизировать выброс долгоживущих изотопов: большая часть энергии уходила в термоядерный синтез, оставляя после себя лишь «лёгкие» радиоактивные частицы. Но реальность оказалась сложнее уравнений.

Радиоактивный шлейф, вопреки прогнозам, расползся на 25 километров, нарушив Московский договор 1963 года — международный пакт, запрещающий ядерные испытания в атмосфере, космосе и под водой. Москва предпочла замалчивать инцидент, пустив в оборот версию о «технических погрешностях». Документы, связанные с проектом, были засекречены, а участники дали подписку о неразглашении.

Среди этих учёных-ядерщиков был и будущий отец Марии Соколовой — инженер-физик Виктор Соколов. В начале 1970-х он, молодой и увлечённый идеей технологического прорыва, работал над расчётами траектории распространения ударной волны и распределения радиоактивных частиц. Виктор искренне верил, что «чистые» заряды минимизируют долгосрочный ущерб, а проект по созданию канала между Печорой и Колвой станет вехой советской инженерной мысли, способной спасти Каспийское море.

Его расчёты, казавшиеся безупречными на бумаге, не учли одного: непредсказуемой реакции живой природы. Изменения в генофонде, позже ставшая предметом исследований его дочери, отчасти была следствием тех самых «оптимизированных» взрывов, в которых Виктор принимал участие.

Годы спустя, когда Мария, изучая последствия ядерных испытаний, наткнулась на засекреченные архивы с его пометками, она заметила, как аккуратно выведенные формулы соседствовали с тревожными пометками: «Возможно, избыток цезия-137?», «Гипотетический радиус загрязнения — 20 км?». Но тогда, в 1971-м, эти сомнения остались без внимания.

Сам Виктор, дав подписку о неразглашении, долгие годы хранил молчание — даже в разговорах с дочерью. Лишь незадолго до смерти, когда Мария уже защищала диссертацию о радиационном воздействии на экосистемы, он обмолвился: «Те взрывы в 71-м году... Мы привнесли в природу новый эволюционный фактор...». Эти слова, как позже осознала Мария, стали не только предостережением, но и признанием вины перед природой, которую они когда-то пытались подчинить.

Те взрывы выжгли просеку шириной в несколько сотен метров — мёртвую зону, где деревья были снесены, словно спичкой, а почва спеклась в стекловидную корку. Воздух здесь пах озоном и горелым деревом, а земля казалась чужой, будто принесённой из другого мира.

Котлован, образовавшийся в результате, поражал масштабами: 700 метров в длину, 380 — в ширину, глубина — от 10 до 15 метров. Поначалу он выглядел как рана на теле земли —

зияющая, безжизненная, окружённая обугленными стволами, которые торчали, как почерневшие кости. Но природа, как всегда, нашла способ адаптироваться.

Весной котлован заполнился водой, питаемой грунтовыми потоками и таянием снегов. Так родилось Ядерное озеро — тёмный, почти чернильный круг, обрамлённый обугленными остатками леса. В центре, словно шрам на лице планеты, плавал крохотный островок, поросший чахлыми кустами, которые, казалось, цеплялись за жизнь из последних сил.

Спутниковые снимки, рассекреченные десятилетия спустя, фиксировали причудливые колебания радиационного фона: от почти безопасных значений до пиковых всплесков. Эти данные, спрятанные в архивах, противоречили официальным отчётам, утверждавшим, что зона безопасна.

Местные жители, не подозревая об опасности, продолжали ловить рыбу в озере, собирать грибы на его берегах. Рыбаки рассказывали о серебристых бликах на воде, которые иногда вспыхивали, как отражения далёких звёзд. Охотники замечали, что звери обходят озеро стороной, будто чувствуют невидимую угрозу. Но предупреждения учёных игнорировались — тайга всегда была суровой, и люди привыкли жить на грани.

Лес, казалось, умер. Но через несколько лет он восстал. Берёзы и ели проросли сквозь пепел, их корни оплели обугленные пни, как будто пытаются исцелить рану. Лося бродили по опушкам, волки рыскали вдоль берега, а птицы вили гнёзда в уцелевших кронах. Жизнь возвращалась, но уже иной, изменённой.

Это было время великих вызовов и больших надежд — эпоха, когда послевоенный Советский Союз, окрепший в горниле Великой Отечественной войны, смотрел в будущее с непоколебимой уверенностью. Победа над фашизмом породила в народе и элите убеждение, что нет задач, которые оказались бы не по плечу советскому человеку. Страна, восстановившая разрушенные города, возродившая промышленность, теперь устремлялась к свершениям, которые ещё недавно казались фантастикой.

Наука и техника стали новыми фронтами, где коммунистический идеал воплощался в грандиозных проектах. Идея использовать ядерную энергию не только для оружия, но и для созидания, казалась естественным продолжением этого духа. Мирный атом должен был преобразить ландшафт, решить вековые проблемы, подчинить природу воле человека.

В 1965 году Советский Союз запустил программу, которая сегодня выглядит одновременно как дерзкий технологический эксперимент и мрачное предостережение. Она носила официальное название «Ядерные взрывы для народного хозяйства» — фраза, звучавшая почти как лозунг, призванный объединить атомную мощь с социалистическим прогрессом.

За 23 года на территории СССР было проведено 124 мирных ядерных взрыва — каждый из них, как утверждалось, служил благим целям: от выведения метана из угольных шахт до интенсификации нефтедобычи, от дробления апатитовой руды до создания подземных хранилищ. Но за фасадом «народного хозяйства» скрывалась хрупкая грань между технологическим триумфом и экологическим коллапсом.

На территории Башкирии с 1965 по 1980 год провели 7 ядерных взрывов, пять из которых были направлены на увеличение объёмов нефтедобычи. Первый взрыв на Грачёвском месторождении имел мощность 2,3 килотонны — достаточно, чтобы сотрясти почву и заставить сейсмостанции США вздрогнуть от неожиданности. Позже использовались заряды до 7,6 килотонн — сила, способная переписать геологическую карту региона. Местные жители, привыкшие к тишине степей, вдруг ощущали, как земля под ногами дрожит, словно пробуждающийся гигант. Власти объясняли это «учениями по гражданской обороне», но никто не эвакуировал деревни, лежащие в радиусе поражения. Люди продолжали жить, не подозревая, что ходят над местом атомного взрыва.

Один из самых тревожных проектов развернулся под городом Мелеуз. Здесь ядерный заряд использовали для создания подземной полости — своеобразного саркофага, способного

вместить 200 000 кубометров гептила, ядовитого ракетного топлива. Горные породы, разорванные взрывом, сформировали пустоту, куда закачали химическое оружие, будто пытаясь похоронить опасность в недрах земли. Но природа редко остаётся равнодушной к таким вмешательствам.

В Пермском крае программа проявила себя не менее драматично. На Осинском нефтяном месторождении в 1969 году произвели два взрыва мощностью 7,6 килотонны каждый. Цель была прагматичной: создать зоны трещиноватости, чтобы нефть хлынула на поверхность, как вода из проколотого резервуара. Но природа ответила иначе. Спустя годы здесь зафиксировали утечки радионуклидов — невидимых, но смертоносных частиц, которые просочились в грунтовые воды, впитались в почву, проникли в корни растений. Сегодня это место превратилось в могильник радиоактивного нефтяного оборудования — молчаливый памятник амбициям, обернувшимся катастрофой.

Взрывы 1971 года в Пермском крае стали лишь эпизодом в череде событий, которые сегодня выглядят как хроника забытой техногенной войны. Советские инженеры, вооружённые чертежами и верой в безграничные возможности атома, не учли одного: землю нельзя заставить подчиняться без последствий.

Многие взрывы проводились вблизи крупных городов — Стерлитамака, Салавата, Мелеуза. Власти, опасаясь паники, ограничивались формальными предупреждениями, оставляя жителей на милость радиоактивных ветров. Сельские дома, школы, колодцы — всё это оказалось в зоне риска, но официальные отчёты продолжали твердить о «безопасности» и «эффективности».

Цели были разнообразны, от создания водохранилищ и хранилищ отходов, где радиация медленно разъедает бетонные стены, до попыток улучшить добычу нефти, обернувшиеся загрязнением скважин и разрушением экосистем. Каждый взрыв оставлял после себя не только геологический шрам, но и социальный — разорванные судьбы, повышенные риски рака, бесплодные поля, где когда-то цвели травы.

В США была аналогичная программа, которая включала эксперименты по рытью каналов в пустыне Невада, созданию искусственных гаваней и изменению русел рек. Однако большинство проектов были свёрнуты из-за загрязнения грунтовых вод и общественного протеста.

В тени грандиозных амбиций мирного атома остались шрамы, которые не заживают десятилетиями — напоминание о том, как хрупка грань между технологическим прогрессом и разрушением. Наследие программ ядерных взрывов — не просто набор сухих данных в отчётах экологов, но история о том, как человечество, стремясь подчинить стихию, невольно изменило саму ткань природы.

Радиоактивное загрязнение почв и водоёмов превратилось в медленный, почти незаметный яд. Радионуклиды — цезий-137, стронций-90 и другие изотопы — встроились в пищевые цепи, накапливаясь в растениях, грибах, животных, воде. Они оседали в донных отложениях озёр, просачивались в грунтовые воды, превращая некогда плодородные земли в зоны неопределённого будущего. Почвы, когда-то дарившие урожай, стали хранилищами нестабильных атомов. Реки, питавшие долины, теперь несли в себе призрачный груз, который невозможно увидеть невооружённым глазом, но который оставляет неизгладимый след в генетическом коде живых существ. Медицинские отчёты рисуют мрачную картину. Среди местного населения резко возросли случаи онкологических заболеваний — лейкемия, рак щитовидной железы, опухоли лёгких. Дети рождались с аномалиями, а взрослые, годами жившие рядом с загрязнёнными участками, теряли силы, словно сама земля высасывала из них жизнь.

Скот, пасущийся на отравленных пастбищах, погибал мучительной смертью. Коровы, козы, лошади — их организмы, не приспособленные к накоплению радиации, разрушались изнутри. Поля, когда-то золотые от спелых колосьев, теперь стояли пустыми, а фермеры, некогда гордившиеся своими урожаями, смотрели на бесплодные земли с отчаянием.

Даже спустя десятилетия после прекращения испытаний многие территории остаются под пристальным наблюдением экологов. Башкирия, Пермский край, Казахстан — эти регионы, разбросанные по карте, как метки на поле катастроф, продолжают сообщать тревожные данные.

Спутники фиксируют аномалии в растительном покрове, полевые экспедиции собирают образцы почвы и воды, а лаборатории кропотливо анализируют содержание радионуклидов. Учёные спорят о скорости распада, о том, сколько ещё веков потребуется, чтобы радиационный фон вернулся к «нормальным» значениям. Но «норма» здесь — понятие условное, потому что природа, однажды нарушенная, уже не восстановится в прежнем виде.

Программы «мирных ядерных взрывов» были свернуты не по внутреннему осознанию рисков, а под натиском международного давления. Дипломаты, экологи, правозащитники — они объединились, чтобы остановить эксперименты, которые, как казалось, балансировали на грани этики и здравого смысла. Договоры, соглашения, резолюции — бумага, скреплённая печатями, стала единственным способом удержать технологию, которая, вырвавшись на свободу, могла превратить целые регионы в мёртвые зоны. Но даже эти меры выглядят хрупкими, как стекло, перед лицом человеческой жажды контроля.

Никто до конца не понимал того, к чему приведут те мартовские взрывы 1971-го. Тайга хранила память — в кольцах деревьев, в легендах, которые спустя десятилетия станут шёпотом среди рыбаков и охотников: «Лес говорит. Грибы светятся. Время здесь течёт иначе...»

И пока архивы КГБ пылились в секретных хранилищах, а учёные спорили о «геомагнитных аномалиях», природа вела свою собственную летопись — на языке мутаций, электрических разрядов и снов, которые иногда посещают тех, кто слишком долго задерживается у Ядерного озера.

Глава 2. Новая дорога

Наши дни

В глухих лесах на севере Пермской области — где стволы сосен вздымались, точно доисторические обелиски, а многослойные ковры мха, казалось, хранили в своих волокнах хронику тысячелетий климатических колебаний, — внезапно закипела деятельность. Началась реализация проекта новой автотрассы — инженерной задачи протяжённостью свыше ста километров, заявленной как средство «интеграции региона в цивилизационный каркас». Работы разворачивались в спешке, сроки поставленные заказчиком, не оставляли ни минуты на рефлекссию.

Первым этапом стали инженерные изыскания. Отряды геодезистов, вооружённые GPS-приёмниками, рассекали чащу, оставляя за собой пунктирные следы — колышки с флуоресцентными оранжевыми лентами. Эти маркеры, яркие и чужеродные, выглядели как первые шрамы на теле девственной экосистемы, эволюционировавшей в изоляции веками.

Параллельно геологи приступили к бурению разведочных скважин. Однако участки с аномальным рельефом — карстовые провалы, асимметричные холмы, трещины, зияющие, как шрамы на коже земли, — остались без должного внимания. Кто-то мог бы сказать, что это беспечность. Но в атмосфере спешки такие детали казались несущественными.

— Да и зачем? — отмахнулся прораб, небрежно стряхивая пыль с ботинок, будто она была не глиной, а пеплом забытых предостережений. — Обычная дорога, не космодром же строим!

Гидрогеологи, оценивая уровень грунтовых вод, опирались на пожелтевшие карты, потрёпанные, как старые морские атласы. Риски подтопления списали на «маловероятные сценарии», хотя старожилы, собирающие грибы у опушек, шептались о том, как изредка весной река, разбуженная таянием снегов, выходит из берегов, превращая долины в озёра.

Экологи ограничились беглым осмотром:

— Ну, деревья вроде нормальные, речка не красная, радиация не зафиксирована — чего переживать? — произнёс один из них, небрежно перелистывая отчёт, который, казалось, был написан ещё до выезда.

Пробы воды и почвы взяли лишь для того, чтобы закрыть формальности. Раздел о биоразнообразии скопировали с проекта предыдущего года.

Изучение инженерных сетей свелось к перерисовыванию архивных карт, покрытых пятнами кофе и карандашными исправлениями. Генеральный план скопировали с похожего проекта, слегка подправив повороты и уклоны в графическом редакторе. Дорожную одежду — многослойный «пирог» из щебня, битума и асфальта — проектировали по шаблону:

— Стандартный пирог, как везде, не будем усложнять, — зевнул инженер, лениво поправляя очки.

Системы водоотвода, мосты, развязки упростили до минимума.

— Сделаем как обычно, потом доделаем, если что, — бросил он.

Согласование с надзорными органами прошло гладко — видимо, дополнительные аргументы заказчика сделали своё дело. Государственная экспертиза пролетела за рекордные сроки, эксперты лишь поставили подписи, не вникая в детали.

Разрешение на строительство местные власти выдали без лишних вопросов — проект «поддерживал развитие региона», и это звучало как заклинание, отменяющее законы физики и бюрократии. Чиновники улыбались, подписывая документы, а лес за окнами их кабинетов, казалось, хмурился, сжимая корни в молчаливом протесте.

В начале июня геодезисты, вооружённые проектом будущей трассы, теодолитами, рулетками и потрёпанными картами, пробирались сквозь густую тайгу. Их оранжевые ленты, привязанные к кольшкам, казались чужеродными шрамами на теле леса. Каждый шаг отдавался в земле глухим, почти металлическим звоном, будто под слоем мха и перегноя скрывался невидимый скелет — древняя структура, чутко реагирующая на вторжение.

Ветви елей цеплялись за брезентовые куртки, оставляя царапины, словно предупреждая: уходите. Папоротники, высокие, как крепостные стены, смыкались за спиной, будто пытаясь стереть следы их присутствия. Воздух был густым от запахов смолы, прелой листвы и чего-то неуловимого и тревожного, напоминающего дымящийся порох. Птицы кружили над ними, пронзительно перекликаясь, будто обсуждая непрошенных гостей. Белки прыгали с дерева на дерево, бросая косые, оценивающие взгляды, словно взвешивая, стоит ли атаковать.

Однажды они наткнулись на лося. Величественное животное стояло на краю просеки, его тёмная шерсть сливалась с тенью елей. Лось смотрел на людей с холодным любопытством, будто видел в них не созидателей, а разрушителей. Затем, медленно повернув голову, он растворился в чаще, оставив лишь шелест хвои — прощальный шёпот леса. Геодезисты переглянулись, но промолчали. Кольшки продолжали втыкаться в землю, а оранжевые ленты тянулись вперёд, как нити, связывающие мир людей с миром, который не желал быть связанным.

— Смотри, — сказал старший геодезист, указывая на огромный мухомор, возвышающийся рядом с тропой, словно гриб-великан. — Будто кто-то специально расставил декорации для фильма.

Его напарник, молодой и пылкий, усмехнулся:

— Природа у нас, конечно, чудо. Но иногда мне кажется, она нас проверяет. Словно следит, не слишком ли мы тут шумим.

Они обменивались восхищёнными замечаниями о красоте тайги: о том, как грибы — белые, красные, жёлтые — росли здесь в такой изобилии, будто земля сама праздновала своё плодородие. Поляны пестрели сыроежками, маслятами, груздями, а мухоморы, как зловещие стражи, торчали из мха, будто предупреждая: «Не суй нос дальше».

Но чем дальше они продвигались, тем сильнее нарастало ощущение, что тайга отслеживает их. Шаги, казалось, оставляли не только видимые следы, но и какие-то неслышные вибрации, расходящиеся кругами, как волны от брошенного камня. Иногда, когда они останавливались, чтобы сверить координаты, им чудилось, что лес замирает — птицы умолкают, ветер перестаёт шелестеть листвой. Будто сама тайга задерживала дыхание, оценивая, насколько серьёзно эти люди намерены нарушить её покой.

Старший, склонившись над теодолитом, вдруг заметил, что компас ведёт себя странно: стрелка дрожала, как испуганная муха, указывая то на север, то на северо-запад, будто магнитное поле здесь было искажено.

— Может, железная руда? — предположил напарник, но в его голосе сквозила неуверенность.

Старший геодезист промолчал, ему казалось, что дело тут не в руде.

Вечером, пока они разбивали лагерь, разговор сам собой складывался из тихих, задумчивых реплик. Они говорили о красоте реки — о том, как прозрачна и чиста её вода, будто отфильтрованная самой природой; о звёздах, что мерцали высоко над головой, пробиваясь сквозь густую сеть древесных крон; о первозданной, нетронутой красоте окружающего мира — и о лесе, который неспешно вышел к ним на просеку, на мгновение замер, взгляделся в человеческие лица и растворился в сумерках, словно видение.

В очаровании вечернего леса всё обретало иной смысл. Дорога, которую они прокладывали, уже не казалась просто линией на карте — она представляла чем-то куда более весомым: будто острый нож, рассекающий живую, дышащую ткань леса, нарушая хрупкий баланс, складывавшийся здесь тысячелетиями.

И ещё — грибы. Они встречались всё чаще, росли гуще, словно тянулись вслед за геодезистами, неотступно следуя по пятам, будто изучали, примеривались, высчитывали, где именно пройдёт трасса. В этом было что-то тревожное.

Уже в начале июля тяжёлые бульдозеры впились гусеницами в глинистую почву Пермского края, оставляя глубокие шрамы на месте будущей автодороги. Официальные пресс-релизы Администрации пестрели благообразными формулировками: «улучшение логистики в удалённых районах», «повышение связности сельских территорий», «поддержка местных сообществ». Инфографика убедительно демонстрировала, как трасса сократит время доставки медикаментов в затерянные среди тайги деревушки.

Но Алексей Воронов — главный инженер компании-подрядчика, выигравшей тендер в атмосфере подозрительно поспешной суеты, — с самого начала подозревал, что за благовидным фасадом проекта скрывается нечто большее. По большому секрету ему намекнули: дорога нужна для логистики строительства радиолокационной станции — информация, которую следовало хранить в строжайшей тайне. Однако российские секреты, как известно, долго не живут: слухи расползались с быстротой лесного пожара. Рабочие, инженеры, местные жители — все шептались о подлинной цели трассы.

Дорога упорно ползла на север, к неприметной горе в верховьях реки Березовки. Её маршрут, будто начерченный по линейке, безжалостно вырубал просеки и перерезал бурные ручьи, игнорируя естественные препятствия.

Воронов, курируя строительство, постепенно собирал разрозненные фрагменты информации — каждый сам по себе казался незначительным, но вместе складывался в чёткую картину. Многозначительные паузы в разговорах с военными заказчиками напоминали заминку перед прыжком в пропасть. Фраза «повышенные требования к надёжности» звучала не как техническая деталь, а как шифр, за которым таилась иная реальность. Загадочные сноски в технических заданиях пестрели аббревиатурами: СПРН, ПРО, ККП — символами систем раннего предупреждения, противоракетной обороны, контроля космического пространства. Воронов расшифровывал эти сокращения, словно криптограф вражеские шифровки, и с каждым шагом картина обретала ясность.

Официально проект именовался «развитием региональной инфраструктуры» — строительством дороги, которая свяжет глухие таёжные районы с цивилизацией. Но Воронов знал: это лишь прикрытие. Истинная цель — создать инженерную основу для возведения радиолокационной станции (РЛС) на стратегически выгодной высоте. Гора, выбранная для монтажа радаров, словно сама природа подсказывала: здесь, на стыке небес и земли, можно уловить шёпот ракет, летящих через полярный купол.

Местные старожилы, не имевшие доступа к секретным документам, понимали больше, чем казалось. Они перешёптывались у костров, намекая на «большие антенны», которые «проткнут небо, как иглы». Их прагматичный цинизм смешивался с древними страхами: лес, говорили они, помнит ядерные взрывы и не простит новых вторжений. Но Воронов видел в их словах не суеверия, а горькую правду, приправленную опытом поколений, привыкших жить на острие государственных экспериментов.

РЛС должна была замкнуть радиолокационный контур России — невидимую цепь станций, следящих за воздушным и космическим пространством. Её включение в сеть означало возможность мониторинга Северного морского пути — транспортной артерии, чья значимость в арктической гонке росла с каждым годом. Контроль над этим маршрутом позволял диктовать условия в спорах о ресурсах шельфа, влиять на логистику поставок в условиях таяния льдов. Также, она видимо, должна была позволить осуществлять обнаружение межконтинентальных баллистических ракет, способных стартовать с арктического направления. Радары, установленные на горе, создавали «окно раннего обнаружения» — критически важный временной

ззор, необходимый для активации системы ПРО. Секунды, выигранные благодаря этим данным, могли решить судьбу городов в случае конфликта.

В курилке, где воздух был густ от табачного дыма и приглушённых голосов, коллеги Воронова перебрасывались осторожными фразами — словно проверяли на прочность хрупкие догадки. И, несмотря на разницу в характерах и взглядах, в главном они сходились: за фасадом гражданского проекта отчётливо проступали очертания военной задачи.

Казалось, холодная война давно стала страницей учебника истории, музейным экспонатом эпохи паранойи и гонки вооружений. Но новый виток глобального напряжения незаметно подстегнул ту самую военную машину — неуклюжую, громадную, но поразительно живучую. Она продолжала работать, искусно маскируя свои истинные цели под благие гражданские начинания, пряча стальные мышцы под мягкой оболочкой мирных инициатив. И проект, в котором участвовал Воронов, всё явственнее вписывался в этот скрытый контур — будто был не самостоятельной стройкой, а звеном в цепи куда более масштабной, тщательно оберегаемой от посторонних глаз системы.

Сам Воронов не осуждал эту двойную игру — он просто выполнял свою работу, но в глубине души ощущал тяжесть ответственности. Он понимал, что если проект сорвётся, это может иметь далеко идущие последствия. А если удастся завершить строительство, гора в верховьях Березовки станет невидимым стражем, чьи электронные глаза будут следить за небом, пока люди внизу продолжают спорить, строить и забывать, насколько хрупок баланс между прогрессом и природой.

Первые километры трассы уже были выполнены в черновую, земля грубо выровнена, деревья частично выкорчеваны, но работы остались незавершёнными, словно брошенные на полпути, так как этот участок переходил к другой бригаде, которая уже делала дорожный пирог. А бригаде первопроходцев теперь предстояло подготавливать следующий участок дороги.

Бригада из ста двадцати человек, вооружённая массивными бульдозерами, гусеничными экскаваторами и грохочущими самосвалами, высадилась на площадке, словно десант на враждебной территории. Их задача была чёткой и масштабной, необходимо было выкорчевать деревья, вырвав их с корнями из цепких объятий почвы, снять верхний плодородный слой земли, погрузив его в грузовики и увезя прочь, выкопать глубокий котлован, обнажив каменистый скелет земли, сформировать полосы отвода, расчистив пространство для будущих коммуникаций и тщательно подготовить участок, чтобы передать его следующей бригаде — той, что займётся отсыпкой дорожного пирога, укладкой основания и созданием прочного каркаса трассы.

Зона строительства примыкала непосредственно к Ядерному озеру — мутно-зелёному пятну на карте, окружённому лесом, который, казалось, замер в тревожном молчании. Карты, разложенные в пыльном штабном фургоне, демонстрировали, что проектируемая трасса должна пройти прямо через контур старого ядерного кратера — шрама, оставленного экспериментальными взрывами 1971 года. Будто неведомый архитектор намеренно прочертил линию, разрезающую тайгу вдоль невидимого разлома, где земля ещё хранила память о вспышках, сотрясших эти места полвека назад.

Первым делом рабочие приступили к обустройству временной базы. Модульные контейнеры, доставленные на трейлерах, быстро превратились в импровизированный городок. Административный блок с мерцающими мониторами и стопками карт стал центром управления — отсюда координировались перемещения техники и распределялись задания.

Рядом с площадкой стремительно вырос склад — грубоватое, утилитарное сооружение, которое будто само по себе подчёркивало вторжение цивилизации в лесной покой. Сюда без усталости свозили запчасти, щебень, битум и металлоконструкции — поток материалов не иссякал, грохоча и скрежеща, нарушая вековую тишину. Геотекстиль, балки и иные ценные материалы грузили с небрежной поспешностью, бросая под открытое небо, — словно люди нарочно

испытывали терпение природы, игнорируя прогнозы о затяжных дождях. Лишь мешки с цементом отчасти уберегли от непогоды: их сложили под навесом, где они постепенно оседали, обрасшая серой пеленой пыли. А металлоконструкции так и оставили ржаветь под дождями и ветрами — их поверхность уже покрывалась рыжеватой коркой, будто сама стихия брала реванш за дерзкое вторжение, шаг за шагом возвращая себе то, что по праву считала своим.

Все в бригаде понимали, что их работа это лишь звено в длинной цепи мероприятий, необходимых чтобы появилась дорога. Через несколько недель они передадут очищенный, выровненный участок следующей бригаде. Те, в свою очередь, начнут отсыпать «пирог» дороги — укладывать слои песка, щебня, асфальта, превращая голую землю в магистраль, которая однажды рассечёт тайгу, соединяя прошлое и будущее, опасность и прогресс. А пока грохот моторов и скрежет металла эхом разносился над лесом, будто предупреждение: человек снова вторгается в зону первозданного леса.

Столовая, пахнувшая подгоревшей кашей и дешёвым кофе, стала местом сбора. Рабочие, заходя внутрь, стряхивали с ботинок глинистую грязь, а их комбинезоны оставляли тёмные разводы на лавках. В углу, за занавеской, разместили раковины, вода к ним подходила по ржавым трубам, из которых с шипением вырывалась вода, холодная, как вода из горного ручья. Бытовки, поставленные в ряд, напоминали бараки со скрипучими раскладушками, тусклыми лампочками и запахом машинного масла.

Электричество подавалось от дизель-генератора, чей рев заглушал даже стук дятлов. Генератор дымил, как старый паровоз, и периодически глох, оставляя базу во мраке, пока механик, матерясь, ковырялся в его внутренностях.

Вокруг базы возвели невысокий металлический забор из сетки, по верху змеились провода систем видеонаблюдения, тускло поблёскивая в лучах закатного солнца. Кабели, скрученные проволокой, напоминали вены, пронизывающие тело конструкции, которая, казалось, сама сомневалась в своей надёжности.

Официально камеры объясняли необходимостью «предотвратить проникновение снаружи». Но все — от прораба до последнего подсобного рабочего понимали, что истинная цель была не дать рабочим вынести что-нибудь со склада. Мешки с цементом, рулоны геотекстиля, массивные стальные балки — каждый из этих предметов обладал вполне осязаемой, весомой стоимостью. Оставлять их без присмотра было всё равно что вывесить табличку: «Забирайте, кто хочет».

Склад, утопавший в густой тени сосен, выглядел местом одновременно нужным и зловещим. Его двери, обитые железом, скрипели при каждом открытии — этот звук, тягучий и надтреснутый, напоминал скрип ржавых петель виселиц, будто само здание хранило в себе мрачное предостережение. А камеры, расставленные по углам, бесстрастно взирали на штабеля материалов, фиксируя каждое движение, каждую тень.

Рабочие, перешёптываясь, отмечали слепые зоны системы: участок возле северной стены, где камера висела под неправильным углом; пролом в заборе, скрытый кустами. Но вслух никто не говорил об этом — слишком велик был риск попасть в чёрный список, лишившись возможности работать на крупных проектах.

По ночам, когда лес вокруг базы затихал, а камеры фиксировали лишь тени деревьев, иногда слышался тихий шелест — словно сама земля протестовала против вторжения. Начальник участка, угрюмый мужчина, неизменно торчащим из кармана, регулярно проверял записи с камер и лично патрулировал периметр. «Порядок должен быть, — повторял он жёстко. — И чтоб без самовольных вылазок в лес!»

Тем временем техника вгрызалась в землю. Бульдозеры с рёвом сдвигали заросли, экскаваторы вырывали комья почвы, а самосвалы, перегруженные до краёв, грохотали по временным дорогам, оставляя за собой облака пыли. Экскаваторы рыли пробные ямы, обнажая слои грунта, местами странно пористые, словно земля была испещрена микротрещинами.

Самосвалы, перегруженные глиной и камнями, расплзались по временным дорогам, оставляя колеи, которые тут же заполнялись водой — возможно, грунтовые воды здесь были ближе, чем предполагалось. Каждый метр трассы давался с трудом: корни деревьев цеплялись за гусеницы, грунт осыпался.

Пожилой сварщик по прозвищу Дед, чьи руки хранили память о десятках сваренных швов и чья борода казалась ровесницей первых советских тракторов, однажды наткнулся на нечто, что заставило его задержать дыхание. В куче выкорчеванных корней, переплетённых с комьями влажной земли, тускло поблёскивал ржавый металлический диск — словно фрагмент забытого механизма, который тысячелетия пролежал под землёй, прежде чем вновь увидеть свет.

Диск был диаметром несколько десятков сантиметров, с неровными краями, будто его оторвали от корпуса в спешке. Поверхность покрывала корка ржавчины, местами отшелушиваясь, чтобы обнажить серебристо-серый металл — возможно, сплав алюминия с медью, устойчивый к коррозии, но не к времени. По краю шли полустёртые надписи на кириллице, читавшиеся с трудом: обрывки цифр, напоминающих год выпуска, аббревиатура «ГОСТ», неразборчивое название завода, возможно, где-то на Урале, технические характеристики, наполовину поглощённые ржавчиной.

В центре диска виднелось круглое отверстие с резьбой, а по периметру — четыре симметричных отверстия для крепления. На одной стороне сохранилась едва заметная градуировка: шкала с делениями, от нуля до какого-то числа, зачёркнутого временем.

Дед, прищурившись, провёл пальцем по гравировке. Он вспомнил, как в детстве видел похожие детали на старых комбайнах, которые чинили в колхозе, — манометры, термометры, датчики давления. Но этот диск отличался: в нём чувствовалась особая точность, как будто он был создан не для сельского хозяйства, а для чего-то куда более серьёзного. Он подозревал, что это часть измерительного прибора, возможно, связанного с контролем давления, температуры или радиации. Может быть, это был элемент оборудования используемого для системы мониторинга при ядерных испытаниях.

Бригадир, хмыкнувший «мусор», явно не понимал, о чём речь. Но Дед знал: такие детали не выбрасывают просто так. Они — свидетели эпохи, когда земля здесь, в таёжной глуши, сотрясалась от взрывов, а инженеры записывали в блокноты данные, которые позже засекретили.

Он забрал диск в барак, иногда доставая его чтобы протереть тряпкой и взглянуть в полустёртые символы. «Земля здесь помнит всё», — шептал он, будто обращаясь к самому лесу. И в его словах сквозила не просто ностальгия, а мрачное знание: под слоем почвы, возможно, до сих пор таятся полости, заполненные радиоактивными жидкостями, а радиоактивные изотопы медленно просачиваются в грунтовые воды, ожидая своего часа. Для Деда диск стал не просто ржавой железякой. Это был ключ к забытой истории, молчаливый свидетель того, как амбиции человека перекраивали ландшафт, оставляя шрамы, которые природа, возможно, никогда не сможет залечить.

Карты, казалось, играли злую шутку. Маршрут трассы пролегал практически через место взрыва, где, по некоторым данным, до сих пор сохранялся повышенный радиационный фон. Но инженеры из головного офиса твердили: «Нормы в пределах допустимого. Стройте!» Дозиметры, небрежно брошенные в ящики, изредка щёлкали, фиксируя кратковременные всплески излучения, но их показания игнорировали.

По вечерам, когда солнце садилось за деревьями, а туман стелился над лесом, который заслонял Ядерное озеро, рабочие собирались у костра, обмениваясь слухами. Говорили, что в глубине леса до сих пор бродят мутанты — звери с неестественным окрасом, а вода в озере светится по ночам. Бригадир, пытаясь развеять страхи, повторял: «Никаких мутантов. Это все

байки». Но его слова тонули в треске поленьев и шёпоте ветра, который, казалось, доносил из тайги далёкий, едва уловимый гул.

Первые дни на новом участке строительства прошли относительно спокойно. Лес валили, грунт вывозили, все было как обычно. Рабочие, закалённые сибирской жарой и комарами, шутили о «проклятии тайги», но исправно выполняли норму.

На пятый день работ утро началось с тревожного молчания. Экскаватор «Катерпиллер», массивный, словно бронированный зверь, замер посреди вырубленной просеки — его ковш застыл в воздухе, будто машина внезапно лишилась жизненных сил. Накануне технику тщательно отремонтировали: сменили фильтры, проверили гидравлику, залили свежее масло. Но теперь двигатель, который должен был взрывать, как дракон, лишь глухо кашлял, выплёвывая облачка сизого дыма.

Механик, угрюмый мужчина с руками, покрытыми шрамами от сварки и маслом, ввевшимся в поры, принялся за диагностику. Он ругался сквозь зубы, вытирая пот рукавом засаленной куртки, и полдня копошился в недрах двигателя.

Сначала проверил топливные магистрали — шланги были целы, топливо поступало без перебоев. Затем взялся за электрические цепи: щупы мультиметра скользили по проводам, писк прибора выдавал напряжение, но искра гасла, не успевая родиться. Датчики температуры, давления, расхода воздуха — все показывали номинальные значения, будто машина была здорова. Но мотор продолжал задыхаться, словно невидимая рука перекрывала доступ воздуха.

Механик вспотел, чертыхаясь, и вполголоса проклинал «китайские запчасти», «сырую сборку» и «заказчиков, которые экономят на всём». Он прислушивался к звукам внутри двигателя — сухому скрежету, прерывистым щелчкам, будто механизм распадался изнутри. Но причина оставалась скрытой, как тайна, запёртая в сейфе.

К полудню, исчерпав стандартные версии, он решился осмотреть выхлопную трубу — последнюю, казалось бы, банальную деталь. Раскручивая ржавые винты, механик ворчал, что «это точно не поможет», но привычка пересиливала скептицизм.

Когда он наконец разобрал трубу на две половины, его рука замерла. Он отпрянул, инстинктивно заслоняя лицо, будто столкнулся с чем-то ядовитым. Внутри выхлопной трубы, словно в ожившем улье, бурлила жизнь. Шершни — глянцевого, угольно-чёрного, с полупрозрачными крыльями, отливающими сталью в косых лучах солнца — облепили стенки плотным шевелящимся ковром. Их тела сливались в единую пульсирующую массу, будто неведомый архитектор сложил из насекомых живой кирпич.

Воздух дрожал от гула сотен крыльев. Звук был вибрирующим, низкочастотным, он резонировал с металлом машины, заставляя саму трубу едва заметно подрагивать. Механик замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок: казалось, шершни не просто гнездились здесь — они обитали в трубе, как в естественном убежище, перестроив внутренности механизма под свои нужды.

Он разглядел в центре шевелящейся массы нечто вроде сот — грубых, асимметричных, сплетённых из слюны и древесной трухи. В сотах копошились личинки, бледные, извивающиеся, а взрослые особи, будто стражи, патрулировали периметр, угрожающе поднимая жала.

Механик медленно отступил, осознавая, что поломка была не случайной. Шершни, вероятно, проникли в трубу ночью, привлечённые теплом остывающего металла. Их гнездо перекрывало выхлоп, вызывая сбой — двигатель буквально «не мог дышать».

Но что-то в этой сцене тревожило его больше, чем просто поломка. Почему шершни выбрали воняющую дизелем трубу? Он бросил взгляд на лес, который смыкался за пределами просеки. Тени елей, казалось, сгущались, а воздух пах смолой и чем-то неуловимо тревожным — как порох, как радиация, как секреты, которые земля хранит веками.

«Земля здесь помнит всё», — всплыли в памяти слова сварщика по прозвищу Дед. И механик, вытирая пот, вдруг подумал: возможно, эта машина, как и люди, работавшие здесь,

была лишь временным гостем в месте, где природа уже начала отвечать — тихо, неотвратимо, сотней крошечных крыльев, готовых заткнуть рот любому, кто посмеет нарушить её покой.

Насекомые ползали, толкались, извивались, переплетая лапки в хаотичном танце, который, казалось, подчинялся незримому алгоритму. Некоторые особи вылезали наружу, повисая на краю трубы, как разведчики, готовые атаковать. Их усики дрожали, сканируя воздух, а жвала поблескивали в свете фонаря. Возможно, они передавали координаты нарушителя — человека, осмелившегося приблизиться к их гнезду. Другие, будто по невидимому сигналу, синхронно взмахивали крыльями, создавая миниатюрные вихри. Эти потоки воздуха трепетали волоски на руках механика, словно невидимые пальцы касались его кожи. Ритм взмахов менялся: то ускорялся, то замедлялся, — возможно, кодируя информацию о силе угрозы или расстоянии до цели.

Механик, наблюдавший за ними, невольно вспоминал, что у пчёл и шершней подобные движения — не просто суета: это язык, на котором они обсуждают врагов, источники пищи, угрозы. Как человек, все детство проведший в деревне с дедушкой у которого была пасака, он знал, что круговые движения, наклон тела, интенсивность вибрации — всё это составляло сложный код. Таким образом пчёлы указывали направление к цветкам или сигнализировали о вторжении. Но здесь, в этой заброшенной трубе, смысл сигналов оставался загадкой.

Он заметил, как несколько насекомых вернулись внутрь гнезда, будто доложив о результатах разведки. Вскоре из трубы показались новые разведчики — более агрессивные, с растопыренными лапками, готовыми к бою.

Возможно, танец означал: «Враг обнаружен. Собираем силы». Или: «Источник пищи под угрозой — защитим его любой ценой».

Тени от крыльев плясали на его лице, а воздух гудел, как будто сам лес прислушивался к разговору, который велся без слов — на языке движений, запахов, электрических импульсов.

И механик, несмотря на годы работы с механизмами, вдруг ощутил себя чужим в этом древнем, непостижимом языке природы.

— Вот это да! — раскатился громогласный хохот бригадира, здоровяка с татуировкой медведя, обвивающей предплечье, словно живая тварь, готовая сорваться с кожи. — Шершни нашли дупло по вкусу! Ха, будто экскаватор — это их новый улей!

Рабочие, собравшиеся вокруг, заготали, обмениваясь сальными шуточками о природных саботажниках. Но Алексей Воронов, стоявший чуть в стороне, замер, вглядываясь в клубящуюся массу. Его взгляд скользил по шершням, и в памяти всплывали обрывочные сведения: эти насекомые не переносят дым, не селятся в местах с сильным загрязнением... Тогда почему они выбрали именно выхлопную трубу? Почему собрались здесь, будто исполняя некий зловещий ритуал?

Он окликнул механика:

— Собери для меня пару живых образцов. Надо выяснить, что это за вид.

Механик, вытирая масляные руки о грязный комбинезон, лишь отмахнулся:

— Да ладно, Алексей, это просто дурные насекомые. Зальём инсектицид, почистим трубу, да и дело с концом.

Но Воронову всё равно чудилось в происходящем нечто зловеще-неестественное, какой-то скрытый изъян, словно за гладкой поверхностью событий таилась иная, тревожная логика. Необычные случаи — странное поведение насекомых, внезапные поломки техники, необъяснимые помехи в работе приборов — начали множиться, расплываясь по стройке, как тонкие, едва заметные поначалу трещины на ветровом стекле, которые день ото дня становятся всё шире и глубже, грозя разрастись в безнадежный раскол.

С каждым новым днём, по мере того как бульдозеры с утробным рёвом вгрызались в вековую тайгу, а вереницы самосвалов вывозили тонны развороченного грунта, трудности нарастали с пугающей закономерностью. Казалось, сама земля, долго спавшая под покровом мхов

и корней, пробуждалась от многолетнего оцепенения — и пробуждалась не с покорностью, а с глухой, упрямой силой, готовой противостоять человеческому вторжению. Она будто собирала свои ресурсы, сплетала воедино едва уловимые сигналы — и отвечала на каждый удар стальным ковшом тихим, но неумолимым сопротивлением.

Следующим утром, когда серое небо едва начало светлеть, на стоянке техники произошла новая неприятность. Один из бульдозеров, массивный, с широким ковшом, будто застывшим в жесте угрозы, ошутимо осел, словно кто-то разом выпустил из него весь воздух.

Его толстые, армированные шины, рассчитанные на многотонные нагрузки, потеряли давление. Воздух просочился, будто сквозь невидимые микропоры, оставляя резину бесформенной, обмякшей, без единого следа прокола или пореза. Машина, ещё вчера казавшаяся непоколебимой, теперь напоминала мертвого зверя, брошенного посреди грязи.

Механики, только начавшие утренний обход, сначала замерли в недоумении, а затем кинулись к бульдозеру, вооружившись манометрами, фонарями и отборной руганью. Они ощупывали шины, подсвечивали их изнутри, царапали поверхность ножовками — но резина выглядела целой, как будто неповреждённой.

— Кто-то протравил шины? — буркнул коренастый механик с масляными пятнами на комбинезоне, тыкая пальцем в бесформенную покрышку.

— Или радиация разъела? — в шутку предположил его напарник, кивая куда-то в сторону Ядерного озера.

Решив разобраться до конца, механики сняли колесо. С трудом разбортировали покрышку, обнажая внутреннюю поверхность. То, что они увидели, заставило их отпрянуть.

Резина выглядела так, будто её облили концентрированной кислотой: структура размякла, местами превратилась в волокнистую массу, легко рвущуюся под пальцами. Запах, исходивший от повреждённых шин, был особенно тревожным: гнилостная нота, смешанная с металлическим привкусом и лёгким оттенком формальдегида, будто природа и технология вступили в запретный, противоестественный союз. Но самым непонятным было то что поверхность покрывали тонкие нити, напоминающие паутину. Они блестели в свете фонарей, словно застывшие капли смолы, и расползались по всей внутренней стороне шины.

— Да что это за дрянь? — выдохнул механик с масляными пятнами, проводя пальцем по разрезанной резине. — Будто кто-то нарочно залил её чем-то.

Молодой новичок, недавно прибывший на объект, встрепенулся:

— А вдруг это диверсия? Может, местные не хотят, чтобы дорога строилась? Или конкуренты?

Старший механик, хмурясь, стёр липкий налёт с ладони:

— Скорее, заводской брак. Резина с завода уже гнилая — вот и разваливается.

Споры разгорались. Одни склонялись к теории о целенаправленной порче шин, другие подозревали влияние аномалий, связанных с Ядерным озером, третьи происки конкурентов. Но ни одна версия не объясняла, почему повреждены только эти шины — и откуда взялась паутина внутри.

В итоге механики сошлись на том, что причина — производственный дефект. Однако шепот о диверсии ещё долго витал над стоянкой, а механики, поглядывая в направлении где располагалось озеро, невольно ёжились.

Через сутки инцидент повторился — на сей раз атаке подверглась вся остальная техника, застывшая на краю стоянки: тяжёлые грузовики, громоздкие самосвалы, низкорослые трактора. Машины, ещё вчера казавшиеся несокрушимыми, вдруг начали оседать, словно невидимый насос разом выкачивал из их шин воздух. Резину будто разъедало изнутри, покрышки, рассчитанные на многотонные нагрузки, превращались в бесформенные, дряблые мешки.

Механики, уже знакомые с жутким зрелищем, вновь бросились к колёсам. Разбортовка покрышек обнажала ту же зловещую картину, размячённая, волокнистая резина, легко рву-

щаяся под пальцами, нити, напоминающие паутину, которые блестели, как застывшая смола, и расплзались по внутренней поверхности. Никаких следов проколов, порезов или внешнего воздействия — лишь эта странная, необъяснимая гниль.

Панические пересуды медленно охватывали лагерь. Рабочие шептались, что Ядерное озеро «мстит» за вторжение в его окрестности. Старожилы мрачно кивали, вспоминая легенды о местах, где техника «просто перестаёт работать». Начальник участка, угрюмо сверяясь с дозиметром, пытался убедить всех, что это совпадение, но его голос звучал всё более неуверенно.

Руководство срочно запросило партию новых шин, но доставка затягивалась. Поставщик, узнав о масштабах повреждений, заподозрил массовый дефект и потребовал образцы для экспертизы. Механики собрали образцы повреждённой резины и отправили их в лабораторию, но ответа пока не было. Возможно, учёные тоже растерялись перед необъяснимым. Дни тянулись, а стройка замерла. Гул двигателей сменился гнетущей тишиной, нарушаемой лишь редким скрежетом гусениц — работали лишь два экскаватора на металлических траках. Их стальная броня, в отличие от резиновых шин, казалась неуязвимой.

Воронов каждый вечер обходил стоянку техники, словно часовой, патрулирующий осаждённый форпост. Фонарик в его руке выхватывал из темноты рваные контуры машин — бульдозеров, самосвалов, кранов, застывших в нелепых позах, будто жертвы внезапного катаклизма. Луч света скользил по грязи, отражаясь в лужах, которые казались чёрными зеркалами, хранящими тайны леса.

Тень Воронова, длинная и искажённая, тянулась за ним, извиваясь, как змея, готовая укусить. Он наклонялся, всматриваясь под колёса, и каждый раз его сердце замирало: обмякшие шины выглядели не просто изношенными — они напоминали раздутые трупы, брошенные посреди просеки. Резиновые бока, испещрённые трещинами, сочились тёмной жижой, будто машины истекали кровью.

Воронов, чья личная жизнь давно напоминала развалины, остро чувствовал хрупкость своего профессионального положения. Несколько лет назад он развёлся — бывшая жена переехала в Москву. Но свою работу он любил — возможно, даже больше, чем когда-либо. Стройка, производственные проблемы — всё это стало его вторым домом, местом, где он чувствовал себя нужным, способным влиять на ход событий. Здесь, среди техники и механизмов, он мог забыть, не думать о том, как сын, возможно, уже забыл его лицо.

Он подозревал, что, если ситуация не разрешится в ближайшие дни, для него проект могут закрыть. Не потому, что военные откажутся от РЛС — нет, амбиции и геополитика переселят любые технические неполадки. Но его, Воронова, с высокой вероятностью снимут с должности. Начальство не простит «неспособность обеспечить бесперебойную работу», «системные сбои» и «неконтролируемые риски». Карьера, выстроенная за двадцать лет упорного труда, рухнет, как карточный домик под порывом ветра. И тогда он останется ни с чем: без дела, которое оживляло его по утрам, без возможности доказать, что ещё способен держать ситуацию под контролем.

Теперь же Воронов мог лишь ждать, кусая губы и сжимая кулаки до белизны костяшек. Перед глазами вставали всё те же картины: покрышки техники, разъеденные до корда, будто кто-то невидимый методично опрыскивал их едкой кислотой в ночной тишине; шершни, сбивающиеся в плотные, гудящие тучи вокруг выхлопных труб, будто притягиваемые каким-то скрытым импульсом. Он невольно возвращался мыслями к легендам старожилков о Ядерном озере — месте, о котором предпочитали говорить шёпотом. После испытаний 1960-х, рассказывали старики, земля там «дышит радиацией», выталкивая наружу то, чему положено лежать глубоко под поверхностью. Местные обходили озеро стороной, передавая из уст в уста одни и те же слова: вода по ночам будто светится тусклым, мертвенным светом, а рыба в нём мутирует,

вырастая до чудовищных размеров, — ходили слухи о трёхметровых жуках с человеческими глазами, что неподвижно висят в толще воды, вперив в пустоту пустой, всезнающий взгляд.

«Оно помнит всё», — шептали старики, и в этом шёпоте слышалась не просто суеверная дрожь, а древняя, выстрадавшая осторожность тех, кто привык уважать границы, за которые лучше не ступать. «И берёт плату за вторжение», — добавляли они, и Воронову, человеку науки, привыкшему раскладывать мир на проверяемые факты, отчего-то становилось не по себе. Он пытался гнать эти мысли, напоминать себе о коррозии, о сезонной миграции насекомых, о банальных технических недочётах.

До Ядерного озера — места, овеянного мрачными легендами, — от лагеря нужно было идти около сорока минут. Воронов проделывал этот путь не раз, когда занимался изучением будущей трассы: склоны, поросшие ельником, петляющая тропинка, а впереди — мутно-серая гладь, будто вдавленная в землю гигантским кулаком. В прежние визиты он не замечал ничего особенно экзотичного. Разве что опята, вылезавшие из мха, казались чересчур многочисленными — словно грибница здесь буйствовала вопреки сезонным законам. Но тогда это лишь скользнуло по краю внимания, не вызвав тревоги.

Иногда, стоя на краю просеки, Воронов видел, как над лесом зависает туман — плотный, маслянистый, отливающий фиолетовым. В эти моменты ему казалось, что из него смотрят лица — размытые, искажённые, будто призраки тех, кто когда-то проводил здесь эксперименты. Он вспоминал слова сварщика Деда о ржавом диске: «Земля здесь помнит всё». Может, почва, пропитанная радиацией, изменилась, стала живой? Может, лес, тысячелетиями хранивший свои тайны, теперь восстаёт против вторжения? Или это просто игра воображения, вызванная усталостью, стрессом, страхом потерять всё? Воронов выключал фонарик, вслушиваясь в тишину. Где-то вдалеке ухал филин, а ветер, казалось, доносил шёпот: «Уходи. Уходи, пока не поздно». Но он не уходил. Он ждал, стискивая зубы, надеясь, что разгадка придёт раньше, чем его карьера рассыплется в прах.

С утра Воронов склонился над планшетом, пальцы его едва заметно дрожали, когда он формулировал отчёт для директора. Слова складывались в сухие, обезличенные фразы, призванные скрыть нарастающую тревогу. Он начал с перечисления формальных причин приостановки работ: повреждённые шины, необъяснимые дефекты резины, перебои в функционировании техники.

Особо он выделил проблему с шершнями — насекомые целенаправленно забивали выхлопные трубы машин, вынуждая механиков монтировать защитные металлические сетки. Воронов приложил фотографии: раздутые соты, вмурованные в глушители, мёртвые шершни, облепляющие решётки. «Местные насекомые ведут себя аномально», — написал он, тщательно подбирая слова, чтобы не показаться параноиком.

Копию отчёта, как того требовал заказчик, он отправил негласному куратору проекта — полковнику из военного ведомства. Имя офицера никогда не упоминалось в открытую, но его влияние пронизывало весь проект, как туман, стелющийся временами над Ядерным озером. Воронов знал: каждое отклонение от графика, каждая странность на площадке тут же докладывается наверх, в закрытые кабинеты, где решения принимаются без лишнего шума.

Он перечитал текст, затем добавил таблицу с хронологией событий: даты повреждений шин, случаи агрессии насекомых, необъяснимые шумы из леса ночью. Цифры выстраивались в пугающую закономерность — словно кто-то методично подрывал работу объекта. В конце, после формальных выводов о «технических неполадках», Воронов задержал палец над клавиатурой. Его взгляд скользнул к окну: за стеклом виднелась стоянка, где обмякшие шины грузовиков напоминали раздутые трупы, а лес за ограждением казался слишком тихим, слишком внимательным.

Стиснув зубы, чтобы не выдать дрожь в руках, он набрал постскрипtum:

«Считаю, что мы столкнулись с чьим-то целенаправленным противодействием — диверсией, возможно, со стороны местных группировок, экологических активистов или иных заинтересованных сторон. Наблюдаемые явления (повреждение шин, аномальное поведение насекомых, сбой в работе техники) выходят за рамки обычных рисков и демонстрируют признаки спланированной кампании. Настоятельно прошу временно приостановить все работы до выяснения всех обстоятельств, привлечь независимых экспертов для анализа образцов резины и изучения экологической обстановки и усилить охрану периметра — возможно, на территорию проникают посторонние. Ситуация вносит разлад в психологическое состояние рабочих и угрожает безопасности персонала». Он отправил письмо, добавив подпись, затем откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к гулу генераторов за стеной.

«Тень за спиной», — мысленно повторил он, вспоминая слова о кураторе. Теперь эта тень, казалось, нависла и над ним самим. Воронов понимал: если его предупреждения проигнорируют, а ситуация обострится, ответственность падёт на него — как на человека, который «не смог справиться с местными условиями».

Но он также знал, что правда, скрытая за этими событиями, куда глубже и опаснее, чем просто саботаж. Ядерное озеро, лес, насекомые, военные... Всё это сплеталось в узор, который он пока не мог разгадать.

Через час телефон завибрировал. На экране высветился номер директора. Воронов поднял трубку, чувствуя, как напряжение скручивается в животе.

— Воронов? — голос директора был резким, как удар хлыста. — Что за глупости ты пишешь?

— Это не глупости, — начал инженер, но директор перебил:

— На меня давят сверху. Военные требуют ускорить строительство, невзирая на... непредвиденные обстоятельства. Ты понимаешь, что это значит? Проект имеет стратегическое значение, и любые задержки могут повлечь серьёзные последствия — не только для тебя, но и для всей компании.

Воронов молчал, сжимая трубку так, что побелели костяшки.

— Запчасти, дополнительная техника — всё будет выделено в приоритетном порядке. Но чтобы через неделю трасса продвинулась минимум на пару километров. Никаких оправданий. Ты меня понял?

— Но постоянные поломки и диверсии... — попытался возразить Воронов.

— Диверсии? — директор усмехнулся. — Это просто технические неполадки. Слишком много фантазируешь, Воронов. Если не справишься, я найду того, кто справится.

Связь оборвалась. Воронов уставился на погасший экран телефона, а затем заметил новое сообщение в почте.

Ответ от военного куратора был краток, словно высечен из гранита:

«Инженер Воронов, приоритетом остаётся неукоснительное соблюдение графика строительства. Ваша задача — сосредоточиться на выполнении производственных задач, а не на построении гипотез о «внешнем вмешательстве». Следует учитывать, что любые дальнейшие высказывания, выходящие за рамки объективной оценки ситуации, будут расцениваться как попытка саботажа и станут основанием для дисциплинарных взысканий».

Для минимизации рисков нами будут приняты следующие меры: усиление контроля за техникой в ночное время; установка камер ночного видения; трансляция данных с камер на мониторы в вашем офисе в Перми. Просим подтвердить получение распоряжения и приступить к исполнению».

Воронов после разговора с начальством и получения письма от военного куратора даже немного повеселел, его доводы были услышаны и дополнительные ресурсы выделены, его никто в остановке работ не винил, что уже было неплохо.

Из-за вынужденной приостановки работ руководство приняло решение распустить большую часть бригады — рабочих отправили по домам на незапланированный «отпуск». Автобусы, натужно ревя двигателями, увозили людей, а те, кто покидал объект, ворчали вполголоса. Их недовольство копилось, как грозовая туча: вероятность задержки с выплатой зарплаты, неопределённость сроков возвращения — никто не мог сказать, когда стройка возобновится и главное — гнетущее чувство, что они столкнулись с необъяснимыми происшествиями, которые всё чаще напоминали не просто технические неполадки, а нечто куда более зловещее.

«Ещё пару недель, и мы окончательно потеряем сезон!» — бурчал прораб, сжимая в руках кепку. «А если эти шины так и не привезут?» — вторил ему механик, кивая в сторону замершей строительной техники.

Сам Воронов твёрдо решил остаться на объекте. Он бродил по опустевшей базе, прислушиваясь к треску сосен и шёпоту ветра, который, казалось, доносил шёпот из глубины леса. Его тревожили не только перебои с поставками запчастей — шины для техники, бетонные плиты для временной парковки, видеокамеры с ночным видением — которые, по прогнозам снабженцев, должны были прибыть лишь через неделю. Он знал, что задержка поставок усугубит положение: без новых шин техника останется обездвиженной, без бетонных плит невозможно обустроить надёжную парковку, а видеокамеры могли бы помочь отследить ночные «посетителей» базы — будь то дикие звери или что-то куда более необъяснимое. Но бюрократия и расстояния, а, возможно, и чьё-то нежелание вмешиваться в «странные дела» тянули время.

Воронов планировал лично проследить за доставкой, как только грузовики придут. Каждый вечер он обходил периметр, светя фонариком в темноту. Луч выхватывал из мрака обмякшие шины, ржавые остовы техники, лужи, в которых, казалось, отражались не звёзды, а чьи-то искажённые лица.

Как-то вечером на временную базу неторопливо вышел Зарубин — человек, которого Воронов знал лишь поверхностно, но чья репутация была достаточно известна в этих краях. Видимо, до него дошла весть, что работы встали, — и он решил заглянуть, неспешно, без суеты, словно человек, привыкший мерить время не часами, а дыханием леса. Зарубину было за пятьдесят, и его худощавая фигура, казалось, сливалась с тенями тайги. Он был женат — его супруга, тихая женщина с усталыми глазами, жила в небольшом доме на окраине посёлка, который располагался в нескольких десятках километров от стройки, детей в их семье так и не появилось. Зарубин редко бывал дома: недели напролёт он пропадал в лесу, словно черпая силу из молчаливого общения с деревьями, мхами и шёпотом ручьёв.

Для него тайга была не просто ландшафтом, не фоном для людских дел — она была живым, дышащим существом, со своим ритмом, памятью и характером. Он изучал её не как учёный, раскладывающий мир на категории, а как собеседник, прислушивающийся к едва уловимым интонациям. Он оберегал её с той молчаливой преданностью, с какой защищают нечто бесконечно дорогое, и разговаривал с ней на языке, понятном лишь немногим: через шорох мха под подошвами, через направление ветра, через паузы между криками птиц. Воронов наблюдал за ним со стороны, отмечая эту странную, почти пугающую гармонию между человеком и лесом. И в тот вечер, когда Зарубин неспешно приблизился к лагерю, в воздухе будто стало чуть меньше кислорода, а привычные звуки стройки — лязг металла, гул генераторов, обрывки разговоров — показались неуместными, грубыми, словно вторжение в чужую, священную тишину.

Репутация Зарубина складывалась не только из его непревзойдённого умения читать следы и ориентироваться в тайге. Десятилетиями он служил незаменимым посредником для высокопоставленных гостей, которые съезжались сюда ради «настоящей охоты». Чиновники, генералы, толстосумы из бизнеса — все жаждали ощутить себя королями леса, с лёгкостью поражающими косулей и кабанов. Зарубин же выступал в роли организатора, искусно направляя дичь к охотникам, создавая удобные и лёгкие условия. Сам он почти никогда не брал в

руки ружьё — предпочитал оставаться в тени, молчаливым, всезнающим наблюдателем, который управлял событиями, не оставляя следов. Его присутствие было едва уловимо, но без него «охота» превратилась бы в хаотичное блуждание по чащобе. Его мотивация была проста и сложна одновременно, Зарубин считал себя стражем тайги, посредником между цивилизацией и дикой природой. Он позволял охотникам убивать, но делал это так, чтобы минимизировать ущерб, следил за балансом популяций, иногда «уводя» дичь подальше от ненасытных стволов. В его сознании существовала тонкая грань, он продавал иллюзию контроля над лесом, но втайне верил, что необходимо сохранять хрупкое равновесие.

Воронов лично пересекался с Зарубиным несколько лет назад — тогда его формально пригласили на один из таких охотничьих выездов. В тот день инженер запомнил Зарубина как человека, способного буквально раствориться в лесу. Он двигался бесшумно, словно тень, а его глаза, казалось, считывали каждую мелочь на земле: сломанную ветку, вмятину в мху, след когтя. Реплики Зарубина были скупы, лаконичны, а в уголках губ порой проскальзывала едва заметная усмешка, будто он знал нечто, недоступное другим. Воронов наблюдал, как охотник корректирует движение дичи, подталкивает «охотников» в нужные точки, сохраняя при этом невозмутимость — словно происходящее его совершенно не трогало.

Теперь, вновь увидев Зарубина на базе, Воронов невольно вернулся мыслями к тому дню. Он понимал, что опыт охотника, его глубокое знание тайги и доступ к местным слухам могут стать ключом к разгадке необъяснимых происшествий, сотрясающих стройку. Но Зарубин, как и прежде, держался отстранённо — его лицо оставалось непроницаемым, а взгляд, казалось, проникал сквозь Воронова, будто тот был лишь очередным эпизодом в долгой череде тайн, которые хранила тайга.

Зарубин принёс в качестве угощения вяленого лося — мясо, пропитанное дымным ароматом долгих костров, — и бутылку мутного напитка, от которого исходил терпкий запах берёзовой коры. Молча поставив угощение на грубо сколоченный стол в бытовке инженера, он опустил на скрипучий стул, скрестив жилистые, загрубевшие от многолетней работы руки. Его лицо, обветренное и почти неразличимое в полумраке, хранило непроницаемую сдержанность, будто за каждым словом и жестом скрывалась своя, тайная история.

Говорят, вы знаете здесь каждый камень, — начал разговор Воронов.

Зарубин усмехнулся, не поворачивая головы:

— Знаю. Но не всё, что знаешь, стоит рассказывать чужакам.

Эти слова повисли в воздухе, как предостережение. Воронов вдруг осознал, что их прошлое знакомство, возможно, лишь усугубляло настороженность охотника. Зарубин явно намекал на то что знает больше, чем говорит и, вероятно, это было связано со странными событиями на стройке и с древними, тщательно оберегаемыми тайнами этих мест.

Воронов не стал ничего скрывать и рассказал ему про проблемы, с которыми столкнулась стройка, с разъедаемой резиной шин, шершнями, вьющими гнёзда в выхлопных трубах, слухами, ходящими между работниками о радиации в лесу. Зарубин слушал, прищурившись, его лицо, изрезанное морщинами, оставалось невозмутимым, но в глазах плескалась житейская мудрость — будто он видел то, чего не могли уловить приборы.

Когда инженер закончил, охотник медленно кивнул, словно подтверждая нечто давно известное. Затем он налил напиток в гранёные стаканы, но Воронов лишь притворился, что пьёт, — его мысли кружились, как листья в осеннем вихре.

— То, что сейчас происходит, очень необычно, и это происходит не только на твоей стройке, — произнёс Зарубин наконец, не отрывая взгляда от лица инженера. Его голос звучал ровно, без тени сомнения, будто констатируя неизбежное. — Тайга не прощает вторжений. Она помнит, как люди взорвали землю в семьдесят первом, нарушили исконный баланс и теперь она мстит, сопротивляется вторжению. Может быть это является причиной все этих явлений, кто знает, может быть она мстит за прошлое?

Воронов усмехнулся, пытаясь удержать остатки рациональности, но ледяная дрожь всё настойчивее расползлась по позвоночнику.

— Мстит за вторжение? Как именно? Что она может сделать? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Зарубин неторопливо отпил из стакана, не отрывая от инженера тяжёлого, пронизывающего взгляда. Его пальцы — загрубевшие, испещрённые шрамами от работы с оружием и обработки шкур — словно сливались с сумраком, казались продолжением самого леса, его молчаливых, всевидящих корней.

— Я не знаю, как она это делает, — повторил Зарубин тихо, размеренно, будто каждое слово было отмерено и взвешено, а сам звук этого «как» пропитан древним предостережением. — Но я знаю, что иногда время меняется. Здесь оно течёт иначе, не по вашим приборам и графикам. Ты думаешь, что прокладываешь дорогу, вбиваешь сваи, нарушаешь покой земли... Но на самом деле ты вскрываешь рану, которая кровоточила полвека. С тех самых пор, как здесь гремели взрывы и земля впитывала радиацию, словно губка — и хранила её, копила, ждала.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть в сознании Воронова, как пепел после пожара.

— Тайга помнит всё. Она помнит, как вы пришли, вырубали просеки, отравили ручьи. Она помнит каждую сломанную ветку, каждый лит пролитого бензина, каждый выстрел. И теперь... — Зарубин наклонился вперёд, и в его голосе прорезалась странная, почти торжественная нотка, — ...теперь она отвечает. Скоро ты сам увидишь, — продолжил Зарубин, откидываясь на спинку стула. — И тогда уже не будет разницы, веришь ты или нет. Тайга не нуждается в твоём признании. Она просто... действует.

Воронов хотел возразить — привести доводы, сослаться на статистику, на законы физики, на то, что лес не может «помнить» и «мстить». Но слова застряли где-то в горле, потому что в глазах Зарубина он увидел не суеверный ужас, не безумие, а холодную, выстрададанную уверенность человека, который слишком долго слушал тишину и научился различать в ней то, что другим не дано услышать.

Зарубин наклонился вперёд, и в его голосе прорезалась жёсткость:

— Твоя техника ломается не случайно. Земля выталкивает вас, как тело отторгает инородное тело. А радиация... Она смешалась с кровью тайги, породила то, что не описано ни в одной книге. Ты думаешь, это просто поломки? Нет. Это предупреждение.

Воронов хотел возразить, но слова застряли в горле. Зарубин, будто прочтя его мысли, поднялся, бросил на стол пакетик сушёных ягод:

— Возьми, сам собирал. Они помогут сохранить силы, вылечат от простуды и успокоят сознание.

С этими словами он вышел, растворившись в сумерках, оставив инженера наедине с тревожными мыслями.

За те пять дней, пока стройка вынужденно стояла, произошло то, что казалось невозможным в обычном бюрократическом лабиринте компании, новые шины были доставлены в рекордные сроки. Обычно закупки, согласования с экономистами, юристами и финансистами растягивались на недели — ворох бумаг, волокита, бесконечные звонки. Но на этот раз всё свершилось стремительно, будто кто-то на самом верху не просто торопил руководство, а буквально вынуждал его к решительным действиям. Воронов заметил, какими нервными сообщениями обменивались менеджеры в общем чате, создавалось стойкое ощущение что за этим быстрым заказом стоит нечто большее, чем просто желание «не отставать от графика».

Параллельно на площадку прибыли сотрудники от охранный агентства, они в круговую обнесли стоянку техники и лагерь мощными прожекторами, установили камеры с ночным видением, их объективы бесстрастно смотрели на тёмный лес, словно пытаясь пронзить его

завесу. Для питания всей системы привезли новый дизель-генератор, который теперь гудел за пределами лагеря, но и как старый, все также выплёвывая клубы чёрного дыма.

Техники, коротко отвечая на вопросы, пояснили: видео с камер не только транслируется в сторожку охраны, но и уходит по спутниковому каналу прямо в головной офис. «Круглосуточный мониторинг, — бросил один из них, проверяя кабели. — Теперь каждый шорох в лесу будет зафиксирован. И наверху это увидят раньше, чем вы успеете отреагировать».

Воронов, наблюдая за суетой, ощущал, как напряжение в воздухе сгущается. Быстрые поставки, усиленная слежка — всё указывало на то, что кто-то наверху не желает, чтобы странные происшествия стали поводом для остановки проекта.

На следующее утро работы возобновились с удвоенной яростью, словно бригада пыталась доказать, что предупреждения Зарубина — не более чем суеверия старожила. Бульдозеры, рыча двигателями, вгрызались в глинистую почву, оставляя за собой чёрные, рваные полосы, будто разрывая шкуру земли. Экскаваторы рыли ямы, обнажая слои грунта, которые казались неестественно пористыми, словно пронизанными невидимыми каналами. Самосвалы, перегруженные глиной и камнями, расплзались по временным дорогам, оставляя глубокие колеи, мгновенно заполняющиеся водой.

Воздух гудел от рева моторов, пыль висела над лагерем, смешиваясь с дымом генераторов. Рабочие, хмурые и молчаливые, двигались как автоматы, будто пытаясь заглушить тревожные мысли шумом техники. Воронов, прохаживаясь между машинами, замечал, как некоторые украдкой бросают взгляды в сторону леса — туда, где за деревьями, казалось, таится нечто большее, чем просто дикая природа.

Он сам не мог избавиться от ощущения, что тайга наблюдает. Что каждый новый слой вскрытого грунта высвобождает не только землю, но и древние, забытые силы, которые теперь пробуждаются под грохот двигателей. И камеры, установленные вокруг, возможно, фиксируют не только происходящее здесь — но и нечто иное, невидимое, что уже протянуло свои щупальца к самому сердцу стройки.

Воронов стоял на краю просеки, наблюдая, как тайга медленно отступает, обнажая почерневшие пни и мёртвые стволы. Деревья, казалось, таили невысказанную обиду: их ветви склонялись, будто в скорбном поклоне, а листва шелестела так, что инженеру чудилось шёпот: «Вы не пройдёте...»

Сутки прошли относительно спокойно — по крайней мере, на первый взгляд. Шершни по-прежнему роились возле выхлопных труб по вечерам, гудя, как миниатюрные двигатели войны. Металлическая сетка, плотно обмотанная вокруг труб, исправно сдерживала насекомых, не позволяя им проникнуть внутрь механизмов. По вечерам бригады, вооружённые канистрами с инсектицидом, методично заливали скопления шершней. Чёрные тучи насекомых оседали на землю, постепенно затихая, — их тела, скрюченные и безжизненные, оставались лежать на траве, словно крошечные жертвы неведомого ритуала.

Шины, к вящему облегчению Воронова, пока не демонстрировали признаков разложения. Но меры предосторожности не ослабевали, каждую ночь технику загоняли на массивные бетонные плиты, доставленные вместе с новыми шинами. Эти плиты, грубые и серые, казались не просто защитой от возможной коррозии — они выглядели почти ритуальным барьером, отделяющим машины от враждебной сущности леса. Рабочие, волоча тракторы и самосвалы на эти «алтарные» площадки, шутили вполголоса, что плиты освящены и поэтому защищают технику, предохраняя от проклятия тайги. Но в их смехе сквозила нервозность.

Однако иллюзия стабильности рухнула на следующее утро. Один из самых мощных тракторов отказался заводиться. Механики, хмуясь, проверили двигатель, топливную систему, гидравлику, выхлопную трубу и воздушные фильтры — всё выглядело исправным. Лишь после нескольких часов мучительных разбирательств они вскрыли блок электроники и замерли, будто столкнувшись с чем-то сверхъестественным.

Внутри корпуса картина напоминала следы тщательно спланированной диверсии — настолько пугающей была эта холодная, бездушная методичность. Провода оказались изжѣваны с пугающей регулярностью, будто кто-то невидимый отмерял отрезки, выверяя каждый укус. Муравьи, пробравшись сквозь едва заметные щели, действовали с неумолимой целеустремлённостью: они методично перегрызали изоляцию, обнажая тонкие жилы, словно следуя некоему скрытому приказу. А потом случилось то, что превратило странную порчу в фатальную катастрофу: трупки самих насекомых, разбросанные по монтажной схеме, стали своеобразными мостиками, замыкающими электрические цепи. Сухие тельца, оказавшись на стыке контактов, превратились в проводники — и когда ток пошёл по привычному маршруту, он наткнулся на эти крошечные, но роковые переемычки.

Электричество, встретив неожиданное сопротивление и найдя новый путь через хрупкие останки, вызвало короткое замыкание — резкий всплеск энергии, вспышку микроскопических дуг, едкий запах оплавленной пластмассы. Блок вырубился намертво, без предупредительных сигналов, без шанса на спасение — словно кто-то одним движением щёлкнул выключателем, оборвав всю цепочку команд.

Воронов смотрел на развороченный корпус, на эту жуткую мозаику из проводов и мёртвых насекомых, и в голове у него стучала одна мысль: так не бывает. Ни одно насекомое не способно на подобную точность, на такое расчётливое уничтожение. Это походило не на случайность и даже не на стихийное нашествие — а на осознанный, выверенный удар, будто сама местность нашла способ ответить на вторжение, используя законы физики как оружие.

Механики переглядывались, не находя слов. «Кто их сюда запустил?» — пробормотал один, стряхивая с пальцев остатки насекомых. Воронов, склонившийся над повреждённым механизмом, ощущал, как по спине пробегает холодок. Он пытался убедить себя, что это всего лишь еще одно совпадение, случайность — но каждый новый день лишь подтверждал обратное.

Через сутки после первого инцидента с изжѣванными проводами ситуация повторилась — и на этот раз масштаб был куда внушительнее. Пять единиц техники оказались выведены из строя: тяжѣлый гусеничный трактор, дизельный экскаватор, три самосвала.

Механики, вскрыв электронные блоки, замерли, будто столкнувшись с чем-то сверхъестественным. Внутри вновь снова лежали муравьи — не просто несколько особей, а целые скопления, словно кто-то методично раскладывал трупки по самым уязвимым точкам схем. Провода были пережѣваны, изоляция срезана, а сухие тельца насекомых замыкали цепи, вызывая короткие замыкания.

Воронов, склонившись над повреждённым блоком экскаватора, ощущал, как по спине пробегает холод. «Это точно не случайность», — пробормотал он, рациональные объяснения ускользали: почему муравьи атакуют только электронику?

Руководство, осознавая, что проект рискует полностью встать, экстренно заказало замену блоков. Поставщик обещал доставить их через 3–4 дня, но в воздухе витало ощущение, что ждать придётся дольше — возможно, целую неделю. Время, которого у них не было, если они хотели успеть уложиться в график работ.

В отчаянной попытке сдержать нарастающий хаос инженеры распорядились обработать всю электронную начинку машин мощным инсектицидом. Рабочие, вооружённые распылителями, окутывали кабины, моторы и распределительные коробки густым, едким туманом. Запах химикатов висел в воздухе, вызывая кашель и раздражение глаз, но выбора не оставалось.

На следующие сутки новых поломок действительно не возникло. Однако это временное затишье лишь усилило всеобщее напряжение. Каждый шорох в лесу теперь казался предвестником беды; каждый скрип машины — напоминанием о хрупкости их положения.

Рабочие, прежде сплочённые и грубовато-весёлые, теперь перешёптывались по углам, бросая косые взгляды в сторону леса и расположенного за ним Ядерного озера. Слухи множились с пугающей скоростью:

— «Лес нас выгоняет», — шептал пожилой сварщик, сжимая в руках ржавый фонарь. — «Чувствуешь, как земля под ногами дрожит? Будто она хочет нас выплюнуть».

— «Проклятие это, — вторил ему водитель самосвала, нервно поправляя каску. — Старики говорили, что Ядерное озеро — вход в другой мир. Там, внизу, спят древние твари, которых разбудили наши буры».

Даже самые стойкие скептики начали кивать, будто слова коллег пробуждали в них затаённый страх. Воронов, проходя мимо групп рабочих, замечал, как они умолкают при его приближении, словно боясь, что инженер донесёт «опасные мысли» начальству.

Сам он пытался держаться за научное мировоззрение, которым так гордился, но рациональные объяснения ускользали. Почему муравьи атакуют только электронику? И почему, чёрт возьми, тайга ведёт себя так, будто живая?

Вечером Воронов стоял на краю лагеря, вглядываясь в тёмную гладь озера. Вода, подсвеченная закатом, отливала ржавым оттенком, словно впитала в себя все тревоги этого места. Вдалеке, за деревьями, что-то шевельнулось — или ему показалось? Он вспомнил слова Зарубина: «Не всё, что знаешь, стоит рассказывать чужакам». Возможно, охотник знал больше, чем говорил. Возможно, тайга действительно хранила тайну — древнюю, дремавшую веками, — и теперь, пробудившись, она не остановится, пока не сметёт с лица земли всё, что люди попытались здесь возвести. Воронов отвернулся, сжимая кулаки. «Мы ещё посмотрим, — подумал он, хотя уверенность в собственном голосе звучала всё слабее. — Мы ещё посмотрим, кто кого выгонит».

Глава 3. Легенды Ядерного озера

К концу июля жара нависла над просекой плотным, раскалённым куполом, будто искажая реальность — свет солнца дробился в мареве, а воздух казался густым, как сироп, липким и удушливым. Пот струился по спине Алексея Воронова, когда он обходил стройплощадку, вслушиваясь в гудение еще работающей техники и шёпот ветра, который, казалось, приносил с собой не прохладу, а лишь новые волны жара.

Он всё чаще замечал, что рабочие — обычно грубоватые, закалённые люди, привыкшие к суровым условиям тайги, — стали вести себя странно. Их движения сделались рассеянными, будто они постоянно отвлекались на что-то невидимое. По вечерам у костров собирались кучки мужчин, они перешёптывались, бросая косые взгляды в сторону леса, а в их глазах мелькала тень невысказанного страха. Кто-то нервно смеялся, но смех звучал неестественно, будто натянутая струна, готовая лопнуть.

Воронов пытался объяснить это усталостью: бесконечные поломки техники, атаки шершней, небольшие радиационные всплески, изжёванные муравьями электронные блоки — всё это выматывало. Ночами он почти не спал, ворочаясь на жёсткой койке, и в его голове крутились тревожные мысли: что, если тайга действительно живая? Что, если она сопротивляется человеческому вторжению?

В бытовках, приткнувшихся на краю стройплощадки, царил неуловимый баланс между рутинной и тревогой. Стены, обшитые рифлёным железом, хранили запах машинного масла, прогорклого табака и не до конца выветрившейся дезинфекции. Койки, сдвинутые к стенам, напоминали десантные шлюпки — жёсткие, с тонкими матрасами, которые, казалось, помнили каждую вмятину от тел, прошедших здесь ночи. Свет от люминесцентных ламп, мигающих, как неисправные маяки, выхватывал из полумрака карты России на стенах, распечатанные календари с моделями и самодельные полочки с банками тушёнки, пакетиками лапши и банками растворимого кофе.

Утро начиналось с того, что кто-то из старожилов, шаркая кирзовыми сапогами, растапливал ржавую печку-буржуйку чтобы заварить чай. Дым, просачиваясь сквозь щели, смешивался с запахом горелой древесины — и этот аромат ненадолго вытеснял затхлость, но к вечеру всё возвращалось на круги своя.

Среди нарастающего хаоса люди отчаянно цеплялись за простые радости, которые дарит природа. Эти островки спокойствия становились их щитом против безумия.

После изнурительного дня, когда солнце, будто раскалённый прожектор, било по макушкам сосен, рабочие стягивались к ручью. Вода, несмотря на периодические вспышки цвета, оставалась прохладной и манящей. Мужчины, сбросив промасленные робы, ныряли, плескались, а потом лежали на прибрежной траве, глядя, как облака, похожие на исполинские корабли, плывут по небу.

Вода смывала не только пыль и пот, но и часть тревоги. На эти полчаса люди забывали о шершнях, муравьях и сгнивших шинах. Они смеялись, рассказывали анекдоты, плескались друг друга, словно дети. Кто-то напевал старые песни, пока солнце медленно тонуло за лесом, окрашивая воду в золото.

По вечерам, а порой и в обеденный перерыв рабочие уходили в лес, вооружаясь корзинами, ножами, а порой даже ружьями. Эти походы за ягодами и грибами превратились в своего рода молчаливый бунт: бунт против монотонности застывшей стройки, против гнетущей неопределённости, против нарастающего, почти осязаемого страха, который, казалось, висел в воздухе, как дым от далёкого пожара. Для многих сбор даров леса стал способом вырваться из удушающей рутины. Здесь, среди сосен и мха, они ненадолго забывали о проколотых шинах,

странно ведущих себя насекомых и шепоте леса из темноты вокруг лагеря. Корзины, наполняющиеся черникой, брусникой, грибами, казались доказательством того, что жизнь продолжается — вопреки всем странностям, которые творились на базе.

Но в этом стремлении к обыденности таилась и другая, более глубокая причина. Лес, одновременно манящий и пугающий, будто предлагал сделку: «Забудьте тревоги, погрузитесь в привычный ритм — но помните: я всё ещё здесь, я наблюдаю». Рабочие, сами того не осознавая, пытались договориться с тайгой: «Мы возьмём немного твоих даров, но не будем тревожить тебя всерьёз».

Они возвращались с полными корзинами, усталые, но чуть более уверенные в себе. Обсуждали, где лучше искать клюкву, спорили о том, какие грибы самые съедобные, делились байками о встречах с лосем или рысью. Но в этих разговорах всё чаще проскальзывали намёки на нечто большее: «Я, пока собирал чернику, заметил, что мох здесь... как-то странно скручен».

Малина здесь буйно разрасталась огромными, непролазными кустами, будто сама земля щедро расточала дары, чтобы хоть ненадолго отвлечь людей от тревог. Ягоды — крупные, с янтарным отливом, — лопались на языке, оставляя послевкусие летней свежести: сладость переплеталась с лёгкой кислинкой, которая словно взрывалась во рту, пробуждая воспоминания о беззаботном детстве. Рабочие продирались сквозь колючие заросли, не замечая царапин на руках, — так поглощали их мысли о прошлом. В эти мгновения они заново переживали моменты из юности: бабушкины пироги с малиновым вареньем, шум далёких городов, где, казалось, не существовало ни странных происшествий, ни гнетущего молчания леса. Кто-то мечтательно вздыхал, вспоминая, как мать учила его отличать съедобные ягоды от ядовитых; кто-то, смахивая пот со лба, мысленно переносился в квартиру с работающим телевизором и горячим чаем — туда, где не слышались ночные шёпоты и шорохи из чаши.

Грибы тоже не разочаровывали: маслята с бархатистыми шляпками, опята, облепившие старые пни, изредка — белые, царственные, будто вышедшие из сказки. Но чем ближе к стройке, тем чаще попадались экземпляры, вызывавшие смутное беспокойство. Их края выглядели неестественно ровными, словно отполированными, а шляпки блестели, как лакированные, будто кто-то невидимый заботливо обрабатывал их. Некоторые рабочие, хмурясь, откладывали такие грибы в сторону, но большинство всё равно собирали их, отмахиваясь от дурных предчувствий: «Может, почва тут такая... или влажность».

Помимо ягод и грибов, собирали травы — зверобой, чабрец, мяту, кипрей. Сушили пучками, развешивая под навесами, а потом заваривали крепкий чай. По вечерам, у костров, они пили этот чай, обсуждали дневные находки, делились байками. Но порой, когда последние лучи солнца, тонули в кронах, а тени удлинялись, кто-то замечал, что вода в ручьях кажется чуть мутнее, чем вчера, или что мох на деревьях скручен в странные спирали, будто его смяла невидимая рука.

Несмотря на это, вылазки в лес всё ещё казались островком привычной, почти забытой нормальности. Среди густых зарослей, где манили спелые ягоды и прятались грибы, можно было на время отрешиться от тревожных реалий стройки: не замечать нарастающие трудности с техникой, игнорировать шёпот ночных шорохов, делать вид, будто туман над Ядерным озером — всего лишь игра света.

Но каждый раз, когда рабочие возвращались на базу, иллюзия рассеивалась, как дым на ветру. Напряжение вновь смыкалось вокруг, словно тайга лишь делала вид, что отпускает их, — а на самом деле медленно, неотвратимо затягивала петлю, напоминая: здесь всё под её контролем.

По вечерам, когда последние лучи солнца тонули в кронах, люди собирались у костра. Кто-то приносил самодельный чай — терпкую смесь душицы, мяты и малиновых листьев, — которая на мгновение отвлекала от гнетущей тревоги.

Один из старожилов, некогда знаток трав, тщательно подбирал ингредиенты, чтобы напиток получился одновременно бодрящим и успокаивающим. Он утверждал, будто понимает, какие растения «уравновешивают» хаос, царящий вокруг, — будто его знания могли создать хрупкий мост между реальностью и тем, что таилось за пределами лагеря. Но даже этот ритуал — вечерний чай у костра — всё чаще казался лишь отсрочкой неизбежного. Лес продолжал наблюдать, а сны становились всё более явными, будто тайга понемногу раскрывала свои карты, давая людям последний шанс осознать — прежде чем окончательно поглотить их.

Сушёные травы, ароматные и обманчиво безобидные, порой преподносили зловещие сюрпризы. После крепкого чая некоторые начинали видеть беспокойные сны: тени, ползущие по краю зрения, шёпот на чужом языке, вода, текущая вспять, леса, оживающие в кошмарах. Но рабочие упорно списывали это на переутомление, разыгравшееся воображение или переизбыток сахара от съеденных ягод.

Несколько человек увлеклись рыбалкой. Река, несмотря на периодический зеленоватый отлив, всё ещё кишела рыбой. Вечера, проведённые с удочкой, становились островками тишины. Рыболовы молчали, глядя на воду, и в этих минутах безмолвия находили что-то почти священное.

Иногда они возвращались с уловом — серебристыми карасями, щуками, — и тогда весь лагерь собирался на ужин. Жареная рыба с луком, хлеб, чай — эти простые блюда становились поводом для короткого, но искреннего праздника.

Несмотря на нарастающую нервозность, рабочие старались придерживаться привычного распорядка: утренний чай с сухарями, обед на полевой кухне, вечерние разговоры у костра, походы в лес за ягодами. Эти ритуалы, эти маленькие победы над хаосом, помогали им. Каждый понимал: стоит позволить страху взять верх — и всё рухнет. Поэтому они смеялись, шутили, делились историями, собирали ягоды, купались в ручье.

И всё же, когда ночь накрывала лагерь, а звёзды, казалось, подмигивали свысока, каждый ложился спать с мыслью: *«Что, если завтра станет ещё хуже?»*

Но пока река звала купаться, малина наливалась соком, а дым костра смешивался с ароматом душицы — надежда оставалась. Как и прежде, люди цеплялись за рутину, словно она могла защитить их от нарастающей тьмы. И в этих простых, почти первобытных действиях — в единении с природой, в отказе поддаваться панике — таилась их последняя, хрупкая, но непокорная сила.

Однажды вечером, когда солнце уже утонуло за деревьями, а над лагерем повисла тяжёлая, влажная тишина, к краю стоянки снова вышел Иван Зарубин. Его походка была неровной, но в каждом шаге чувствовалась скрытая сила — будто сам лес направлял его. Лицо, изрезанное морщинами, напоминало карту древних разломов, а глаза, пронзительно-серые, словно впитали в себя всю тоску этих мест.

Зарубин приблизился к группе рабочих, собравшихся возле генератора, поздоровался со всеми как со старыми знакомыми. Его голос, сухой и скрипучий, как несмазанные петли, разрезал тишину:

— Вы, городские, думаете, что знаете эту землю. Но вы ее не знаете, а она помнит, каждое дерево, каждый камень — они помнят взрывы семьдесят первого года. Здесь, под этой травой, под слоем пепла, до сих пор тлеет ярость тех дней.

Он вытянул корявый палец, указывая на север — туда, где за стеной деревьев располагалось Ядерное озеро.

— Озеро... оно не просто вода, — продолжал Зарубин, понизив голос, так что слова повисли в воздухе, как дым. — Оно — сердце, бьющееся под пеплом. В его глубинах таится

память: о взрывах, о трещинах, расползающихся по земле, о душах, которые так и не нашли покоя. Старики обходят эти места стороной. Говорят, тут «места силы», но сила эта — как яд. Она проникает в кровь, разъедает разум, шепчет о том, чего лучше не слышать.

Он сделал паузу, и на мгновение показалось, что сам лес наклонился ближе, прислушиваясь. Ветер качнул верхушки сосен, будто соглашаясь с его словами.

— Зелёные туманы ночами стелются, — добавил Зарубин, и его голос упал до шёпота. — Они ползут из озера, окутывают деревья, просачиваются в сны. Это души тех, кто здесь погиб. Они шепчут... о том, что скоро вернётся. То, что мы пытались похоронить, но что лишь дремало.

Воронов хотел отмахнуться, приписать слова старика суевериям, но заметил, как рабочие переглядываются, кивая, будто старик озвучил их собственные, невысказанные страхи. Их лица, обычно грубые и невозмутимые, сейчас выражали смесь тревоги и почти благоговейного ужаса.

Кто-то из механиков, обычно язвительный и циничный, тихо пробормотал:

— Может, он и прав... Я вот ночью видел, как тени ползут. Будто пальцы, тянущиеся из глубины.

Другой, водитель самосвала, перекрестился, хотя раньше слыл атеистом:

— Говорили старики: «Не буди зверя в озере». А мы разбудили, а оно видимо помнит.

Один из инженеров, молодой парень в оранжевом жилете, усмехнулся:

— Да чего помнить-то? Озеро — просто водоём, ну вырытый непривычным способом. Радиация в норме, власти проверяли, да и наши приборы не показывают превышения.

Зарубин медленно повернул голову, его глаза, цвета выцветшей меди, впились в парня.

— «В норме», говоришь? А как насчёт зелёного тумана? — Он понизил голос, и вокруг будто стало темнее. — Ночью, когда луна висит низко, над водой стелется дымка. Зелёная, как гниль. Старики говорят: это души тех, кто погиб в семьдесят первом. Души, пропитанные радиацией. Они шепчут... о возмездии.

Кто-то из рабочих перекрёстился. Зарубин продолжил, будто читая их мысли:

— А слышали про мутантов? Зайцы с лишними лапами, рыбы без чешуи. Я сам видел следы — когти, как крюки. И грибы... светящиеся, как гнилушки. Некоторые деревья тоже светятся, если ночью присмотреться. Будто под корой течёт огонь.

Инженер попытался возразить:

— Это просто биолюминесценция. Наука объясняет...

Но Зарубин перебил его, резко взмахнув рукой:

— Наука! А как наука объяснит время? — его голос зазвучал громче, эхом разносясь по лагерю, будто сам воздух здесь дрожал от напряжения. Он обвёл присутствующих тяжёлым взглядом, словно ожидая, что кто-то осмелится возразить.

— Есть возле Ядерного озера небольшой лесок, — продолжил он, понизив тон, но слова всё равно врезались в слух. — Вам до него ещё километров десять дорогу прокладывать — вы как раз возле него и пройдёте, судя по направлению. Грибов там, опять, видимо-невидимо. Много старых, мёртвых деревьев, поваленных, будто их вывернула невидимая сила. Местные очень любят туда ходить за урожаями, но ночевать я бы там не советовал.

Он сделал паузу, позволяя словам повиснуть в воздухе.

— Время там... чудно себя ведёт. Зайдёшь, думаешь: «Побуду полчаса, соберу корзинку». Вылезешь — а уже вечер. Небо потемнело, птицы стихли, и ты вдруг осознаёшь, что потерял счёт не только часам, но и дням. Будто само время здесь течёт иначе, искривляется, как зеркало в кривом доме.

Его лицо посуровело, когда он вспомнил давнюю историю.

— Старик мой рассказывал: однажды он отправился на охоту в те края. Вернулся — а его уже практически похоронили. В розыск объявили. Семья плакала, соседи собирали поминки.

Оказалось, он отсутствовал четыре дня. Четыре дня, понимаете? А для него прошёл всего один. Один день, полный охоты, сбора ягод, разговоров с самим собой... А мир снаружи состарился на трое суток.

Он наклонился вперёд, будто боясь, что его не услышат.

— Лес этот местные жители называют Тайной рощей. Почему? Да потому что он хранит секреты, которые лучше не раскрывать. И всякие сектанты туда тянутся, как мухи к мёду. Проводят обряды, жгут костры, шепчут заклинания, пытаются связаться с духами. Говорят, грибы там — не просто грибы. Говорят, они чувствуют и отвечают.

Он оглядел собравшихся, будто проверяя, кто ещё сомневается.

— Я сам видел там круги из опят, идеально ровные, как будто нарисованные циркулем. А ночью... Ночью там слышны шёпоты. Не ветер — шёпоты. И время... Оно там меняется, играет с тобой.

Кто-то нервно сглотнул. Кто-то переглянулся. Но он лишь усмехнулся, будто знал больше, чем говорил.

— Идите, если осмелитесь. Но помните, что Тайная роща не любит мусорящих гостей и тех, кто задерживается надолго.

Рабочие переглянулись, обмениваясь тревожными взглядами. Зарубин наклонился ближе, его дыхание пахло хвоей и дымом:

— Есть здесь и те, кто *приходит*. Тайком. Мансийские символы чертят на коре, шепчут молитвы, чтобы «очистить землю». Но земля не прощает. Она помнит взрывы, помнит, как её разрывали. И теперь она... просыпается.

Он выпрямился, опираясь на ружьё, и его взгляд скользнул к Ядерному озеру, мерцавшему вдалеке.

— Некоторые, — добавил он тише, — пьют воду из озера. Говорят, она продлевает жизнь. Но я видел, как те, кто пил, начинали видеть разное и разговаривать с кем-то невидимым.

Один из рабочих, пожилой мужчина с седыми висками, тихо спросил:

— И что нам делать?

Зарубин пожал плечами, его лицо вновь стало бесстрастным.

— Уходить, — сказал он просто. — Пока лес не решил, что вы несете ему реальную угрозу.

У костра трещали сухие сосновые ветки, отбрасывая пляшущие тени на лица рабочих. Пламя, будто живое, тянулось к небу, а дым вился спиралью, растворяясь в сумраке леса. Иван Зарубин, опершись на сучковатую клюку, медленно начал, понизив голос, чтобы каждое слово звучало весомо, как древний завет:

— В наших краях, особенно у коми-пермяков, с лесом всегда было не просто. Лес — он не мёртвый, нет. Он живой, и у него есть хозяин. Леший, значит. Его по-разному кличут: вёра-морт — «лесной человек», вёра-дядя — «лесной дядя», ыджит-морт — «большой человек». И у каждого клочка земли свой леший. Он строго следит за своими владениями, и коли не уважить его — беды не миновать.

Старик помолчал, пошевелил угли палкой, и пламя вспыхнуло ярче, осветив его изрезанное морщинами лицо.

— Видал я, как леший показывается. Иногда — как высокий мужик с бородой, волосами до пояса, а бровей нет, будто смыло дождями. А иной раз обернётся зверем: кошкой, зайцем, собакой. Или вихрем пронесётся — и следа не оставишь. Тень от него не падает, а если его собака залает — эхо не откликнется. И звери, и птицы ему подчиняются, все в лесу его слушают.

Он наклонился вперёд, будто делился сокровенным:

— Любит леший пошалить. Может криком напугать, хохотом разразиться, стога сена раскидать. Дорогу «украдёт» — заведёт человека кругами, так что тот неделю блуждает, а до

дому — рукой подать. Сани приморозит, лошадь остановит, будто невидимый груз навалился. Детей, которых матери прокляли, может похитить. Но и добром помочь способен — охотнику дичь укажет, пастуху стадо сбережёт. Только плату возьмёт: гостинец попросит.

Зарубин усмехнулся, вспоминая давние поверья:

— Говорят, леший живёт в глухих чащах, в треугольной избе на болоте. У него есть семья: жена и дочь, чьи лица ни один человек не видел. Звери для него — скот, птицы — куры. А его собака, говорят, такая, что от её лая эхо молчит. Если охотник накормит её куском хлеба, она станет его верной помощницей — и добыча тогда будет обильной.

Рабочие переглянулись, но никто не перебивал. Зарубин продолжал, будто читая древние письма:

— Есть у лешего свои тропы. Коли человек дом на такой тропе поставит — несчастья не избежать. Дом сгорит, или семья болеть начнёт, или скотина передохнет. Потому и знали старики: где леший ходит — там людской ноге не место.

Он поднял клюку, словно подчёркивая важность слов:

— А как с лешим ужиться? Перед походом в лес гостинец бери: рыбный пирог, табак — и на пне оставь. С приговором говори: «Я тебе табак — ты мне белок. Я тебе пироги с грибами — ты мне зайцев и дичь». Если скот пропал — грамоту лешему пиши. На бересте углём, справа налево, два экземпляра: один в печи сожги, другой в лесу спрячь. Это кабала называется.

Зарубин сделал паузу, глядя на огонь. Тени от языков пламени плясали на его лице, будто оживляя древние легенды.

— А коли леший за тобой гонится? Одежду наизнанку надень — он обманется, дорогу домой покажет. Или повернись спиной, ружьё между ног зажми и стреляй. Говорят, помогает.

Он понизил голос до шёпота:

— Четверг считался днём лешего. В этот день каждый может сорвать в лесу шесть веток можжевельника: одну — для скота, две — для дома, три — для семьи. По поверьям, ветки эти оберегают от болезней, да и леший, мол, благоволил тем, кто уважал его обычаи.

Кто-то из рабочих кашлянул, нарушив тишину. Зарубин усмехнулся:

— И ещё, запомните, в лес на закате не ходить. В этот час грань меж мирами истончается, и нечисть выходит на охоту. Может, знакомого встретишь — а он и не человек вовсе. Леший в обличье твоём приятеля явится, а потом ищи ветра в поле.

Он перечислил несколько имён, которые ещё помнили в деревнях:

— Вихорь Вихорович, Виктор Викторович, Тимофей Иванович, Митрофан Митрофанович... У каждого лешего своё имя, в каждой деревне своё.

Он умолк. Ветер подхватил его слова, унося их в темноту. Рабочие сидели молча, глядя то на огонь, то на тёмный лес, где, казалось, сами деревья прислушивались к рассказу. Тени от костра медленно ползли по их лицам, словно оставляя на них невидимые знаки древнего договора с тайгой.

Воронов посмотрел на Зарубина, который, казалось, уже не замечал окружающих. Старик стоял, склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то далёкому, а ветер трепал его седую бороду.

«Может, он знает больше, чем говорит?» — мелькнула мысль.

Но вслух Воронов произнёс лишь:

— Мы здесь, чтобы работать. Суеверия не остановят проект.

Зарубин откинулся назад, глядя на пламя, и добавил тихо, почти про себя:

— Всё это не просто сказки. Люди всегда старались понять, что творится в лесу. Объяснить грозы, пропажу скота, странные следы. И правила выработали: как жить, чтобы леший не сердился, чтобы земля не мстила. А кто забывает — тому лес урок преподаст.

С этими словами он повернулся и растворился в сумерках, оставив инженеров и рабочих в тяжёлом молчании. Ветер принёс шёпот листвы — или, может быть, шёпот чего-то иного, древнего и недоброго, что таилось в сердце тайги.

И хотя многие пытались убедить себя, что старик просто путает реальность с мифами, ночь выдалась бессонной. Тени от электрических фонарей, казалось, удлинились, сплетаясь в фигуры, которые исчезали, стоило лишь присмотреться.

Воронов ощутил, как по спине пробегает холодок. Рациональная часть его сознания твердила: это суеверия, просто совпадение, жара и стресс играют с людьми злые шутки. Но другая часть, более древняя, шептавшая о том, что тайга действительно живая, что она помнит и мстит, набирала силу с каждым новым днём. Возвращаясь в свою бытовку, он не мог избавиться от ощущения, что слова Зарубина — не просто бред старика. Воронов всё больше ощущал, как ситуация выскальзывает из-под контроля. Бесконечные атаки насекомых, необъяснимые поломки техники, короткие замыкания, которые, казалось, возникали по воле невидимого врага, — всё это превращало стройку в поле битвы, где правила диктовала сама тайга. Рациональные методы не работали, запасы инсектицидов таяли, а рабочие, некогда сплочённые, теперь перешёптывались о проклятии, поглядывая в сторону леса.

Рациональным умом он понимал, что без научного подхода здесь не обойтись. Нужно было найти объяснение, которое свяжет воедино все странные явления — или хотя бы попытаться это сделать.

И тогда Воронов вспомнил о Марии Соколовой. Они росли в одном многоквартирном доме, учились в параллельных классах, иногда вместе играли во дворе, пока родители пропадали на работе. Мария всегда выделялась умом и пытливым характером: собирала гербарии, изучала повадки жуков, спорила с учителями о теории эволюции, а в старших классах всерьёз увлеклась биологией. Воронов, тогда увлечённый техникой, лишь изредка пересекался с ней, но запомнил её цепкий взгляд и привычку спорить до последнего.

Теперь, спустя годы, Мария преподавала в институте — Воронов смутно припоминал, что это была либо экология, либо энтомология, но детали стёрлись из памяти. Он решил не заикливаться на специализации, куда важнее было то, что она обладала редким сочетанием качеств, которое сейчас могло оказаться бесценным. Её острый аналитический ум, отточенный годами исследований, умел распутывать сложные системы — будь то экобаланс леса или динамика популяций насекомых. Воронов смотрел пару ее лекций, ссылки на которые она рассылала через общие группы в мессенджерах. Мария не просто знала природу: она чувствовала её, видела невидимые для большинства связи между почвой, растениями, животными и даже воздухом. Её лекции, были полны примеров того, как малейшее вмешательство в экосистему может запустить цепочку необратимых изменений — именно об этом Зарубин говорил, упоминая «рану, которая не заживала полвека».

Именно это знание тонкого, почти мистического языка леса могло помочь ему. Мария, с её наблюдательностью и бесстрашием перед лицом необъяснимого, способна была разглядеть то, что ускользало от его инженерного взгляда: закономерности в странных происшествиях на стройке, скрытые причины, по которым техника ломалась, а природа казалось сопротивлялась технике людей.

Он отыскал её номер и набрал, едва сдерживая волнение. Гудок. Ещё один. Наконец, на том конце провода раздался спокойный, чуть ироничный голос:

— Алло? Соколова слушает.

— Маша? Это Алексей Воронов. Помнишь меня?

На мгновение повисла пауза.

— Воронов... Лёша? — в её голосе промелькнуло удивление, быстро сменившееся тёплой ноткой. — Конечно, помню. Какими судьбами?

Он коротко изложил суть проблемы, стараясь не упускать деталей: рассказал о нашествиях муравьёв и шершней, необъяснимых поломках техники — и даже с лёгкой улыбкой упомянул шепотки рабочих о «проклятии», которое якобы тяготеет над стройкой.

Мария слушала внимательно, время от времени задавая уточняющие вопросы: просила назвать точные координаты мест, где аномалии проявлялись чаще всего, и выяснить, в какое время суток явления становились особенно выраженными.

Когда он закончил рассказ, она на мгновение умолкла — будто мысленно выстраивала невидимые связи между разрозненными фактами, пытаясь сложить из них единую мозаику. Затем медленно произнесла:

— Это выглядит... необычно. Возможно, я смогу помочь. Но для начала тебе необходимо собрать ряд проб: образцы грунта, растений, грибов, ягод и насекомых и все это с разных участков стройки.

Она перечислила ключевые зоны для сбора материала: места, где регулярно происходили поломки техники, участки, где рабочие фиксировали особенно крупные муравейники или скопления шершней, зоны с аномальной растительностью, где ягоды или грибы выглядели неестественно, а листва казалась скрученной или обесцвеченной.

— Каждую пробу важно маркировать тщательно, — добавила Мария, подчёркивая серьёзность задачи. — Указывай точные географические координаты места сбора, дату и время, когда была взята проба и краткие наблюдения: активность насекомых, необычные звуки, изменения в почве или растительности, любые детали, которые кажутся подозрительными.

Она объяснила, что такая информация поможет выявить закономерности: есть ли связь между поломками техники и химическим составом грунта, коррелируют ли скопления насекомых с определёнными экологическими аномалиями, совпадают ли зоны «таинственных шёпотов» с участками, где растения демонстрируют мутации.

— Чем подробнее будут записи, тем выше шанс увидеть скрытую логику в том, что сейчас кажется хаосом, — заключила Мария. — Собери всё до субботы и приезжай с ними в Институт.

Воронов согласился, мысленно прикидывая, сколько времени займёт сбор. Мария тем временем продолжала:

— Я проведу экспресс-анализ в лаборатории: проверю уровень тяжёлых металлов, радиационный фон, микрофлору, возможно, даже генетические маркеры растений. Если есть связь между экологией и тем, что ты описал, анализ грунта это покажет. Покажу тебе лабораторию, обсудим, какие шаги предпринять дальше. Возможно, придётся выезжать на место вместе — природа редко раскрывает тайны с первого взгляда.

Воронов ощутил, как тревога немного отступает: в её словах чувствовалась уверенность, будто Мария уже видела за хаотичными симптомами некий скрытый порядок, который ему самому пока был недоступен. Воронов выдохнул с облегчением.

— Договорились. Буду в субботу.

Положив трубку, он на мгновение замер, глядя на тёмный экран телефона. Мария. Умная, решительная, способная разложить хаос на составляющие. Возможно, она станет тем ключом, который поможет разгадать тайну, скрытую в сердце тайги.

Воронов действовал методично, будто собирал улики на месте загадочного преступления. С утра пораньше он вооружился пластиковыми контейнерами, пинцетом, лопатой и блокнотом — и принялся за работу, пока солнце ещё не успело раскалить воздух.

Первым делом он собрал образцы почвы с разных участков просеки: рыхлую, пепельно-серую у края озера, плотную, пропитанную смолой, возле старых сосен, и песчаную, с вкраплениями гравия, там, где гусеницы бульдозеров разворотили землю. Каждый образец он аккуратно запечатывал, записывая координаты места сбора.

Затем переключился на насекомых. Муравьи — чёрные, агрессивные, с жвалами, будто отлитыми из металла, — кишели в кучах электронного мусора. Воронов осторожно собирал их в пробирки, отмечая, что некоторые особи выглядели неестественно крупными. Помимо муравьёв, он поймал несколько жуков с полупрозрачными крыльями, пауков с необычно длинными лапами, мотыльков, чьи крылья мерцали странным зеленоватым отливом.

Не забыл он и о повреждённых шинах. Отрезал куски резины, разъеденной, будто кислотой. Резину он упаковывал особенно тщательно.

Каждый шаг сопровождался ощущением, будто тайга наблюдает. Ветви, казалось, смыкались плотнее, когда он проходил мимо; ветер доносил шёпот, похожий на перешёптывание голосов. Воронов отгонял эти мысли, но тревога нарастала.

К субботе он собрал внушительную коллекцию: контейнеры, пробирки, свёртки с резиной. Всё это он аккуратно сложил в багажник своего внедорожника, мысленно прокручивая список вопросов, которые задаст Марии.

В субботу рано утром он выехал в Пермь. Дорога, сначала петляющая сквозь тайгу, затем вынырывающая на равнину, казалась переходом между мирами: из царства теней и шёпотов — в мир асфальта, рекламных билбордов и гула городских машин.

Город встретила его серым небом и запахом выхлопных газов, когда-то привычный, теперь он казался чужим — будто месяцы в тайге отдалили Воронова не только географически, но и душевно. Он свернул к своему дому, где находилась его пустая квартира.

Развод остался в прошлом, словно незажившая рана, которая время от времени пульсировала тупой болью, напоминая о потерянном. Бывшая жена, с которой они когда-то строили планы на будущее, делились мечтами о большой семье и долгих прогулках в парках, теперь жила в Москве. Их попытки завести детей, растянувшиеся на годы, так и не увенчались успехом; медицинские обследования, бесконечные анализы, надежды, которые разбивались о холодные заключения врачей. . . Всё это теперь казалось далёким, но болезненным эхом, от которого сердце сжималось. Воронов не винил её. Он понимал: жизнь сложилась иначе, их пути разошлись, как реки в пустыне, оставляя лишь пересохшее русло воспоминаний. Но вечера в пустой квартире давили тяжестью, будто стены медленно сжимались, стискивая грудь. Телевизор бубнил о катастрофах, политических кризисах, стихийных бедствиях — мир снаружи казался таким же хаотичным, как его внутренний мир. Чайник остывал, не дождавшись, чтобы его вновь наполнили; чашка с недопитым кофе стояла на столе, покрываясь плёнкой. Тишина звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть в любой момент, а мысли кружились, как осенние листья в вихре: о неудачах, о том, что могло бы быть, о пустоте, которая расплзалась внутри, как плесень.

Пока машина скользила по улицам, Воронов невольно погружался в воспоминания. Раньше вечера были другими. Он любил бродить по набережной Камы, вдыхать влажный речной воздух, слушать, как волны мягко ударяются о бетон. Иногда он заходил в полупустые кофейни, где пахло корицей и карамелью, заказывал двойной эспрессо и часами смотрел, как люди спешат по своим делам, не замечая ни закатов, ни трещин в асфальте. Изредка он встречался с друзьями — те теперь казались далёкими, почти забытыми. Они смеялись, обсуждали книги, спорили о политике, а потом расходились, оставляя после себя лишь лёгкое чувство общности.

Теперь же его жизнь сузилась до трёх плоскостей: стройплощадка с её необъяснимыми поломками, отчёты, которые нужно было сдавать в срок, и кошмары, которые становились всё более навязчивыми. Зелёные туманы в снах окутывали его, липли к коже, как водоросли, а шёпот Зарубина звучал всё яснее, будто тот стоял за плечом, нашептывая предостережения, которые Воронов пока не мог расшифровать.

Воронов цеплялся за рутину, как за спасательный круг. Возможно, именно поэтому он хотел встретиться с Марией — её холодный аналитический ум, её любовь к природе, её способ-

ность видеть связи там, где другие видели лишь хаос, вдруг показались ему последней надеждой. Может быть, она разгадает загадку, которая терзала его, — или хотя бы поможет ему снова обрести почву под ногами.

Переодевшись и оставив вещи, Воронов поехал к институту. Институт притулился с торца величественного здания театра оперы и балета — словно скромный ученик, прижавшийся к плечу наставника. Солнце, пробиваясь сквозь кроны лип, бросало узорчатые тени на брусчатку, а вдалеке виднелась широкая лента Камы, манящая прохладой. Но Воронов почти не замечал красоты: тяжесть рюкзака с образцами давила на плечи, будто сама тайга пыталась удержать его от этого визита.

Корпус института казался вымершим — лето вымело студентов, оставив лишь эхо лекций и скрип старых дверей. Воронов прошёл по пустому коридору, пахнущему мелом и пылью, с любопытством разглядывая плакаты о защите редких видов и графики полевых выездов. На мгновение ему почудилось, что время остановилось: будто он снова старшеклассник, спешащий на урок биологии.

Мария встретила его в просторном кабинете, заставленном колбами, гербарными листами и стопками монографий. Она почти не изменилась: те же строгие очки, собранные в пучок каштановые волосы, тот же цепкий взгляд, который, казалось, считывал информацию быстрее, чем мозг успевал её обработать.

— Лёша! — она улыбнулась, шагнув навстречу, и пожала его руку чуть крепче, чем требовалось. — Сколько лет... Ты совсем не изменился.

Воронов усмехнулся, чувствуя, как неловкость от встречи с прошлым смешивается с облегчением.

— Ты тоже, — соврал он, хотя заметил, как вокруг её глаз залегли едва заметные морщинки, а в волосах проступила первая седина. — Жизнь, видимо, щадит тебя.

— Скорее, я её, — отшутилась Мария, жестом приглашая его сесть. — Рассказывай, что за дела у тебя.

Он опустился на скрипучий стул, который, казалось, протестовал против его веса. Мария устроилась напротив, скрестив руки, и Воронов вдруг ощутил себя школьником, вызываемым к доске. Но усталость перевесила неловкость.

Он начал с самого начала: описал стройку, аномальное поведение насекомых, необъяснимые поломки, короткие замыкания, которые, казалось, возникали по воле невидимой силы. Рассказал о рабочих, шепчущих о «проклятии Ядерного озера», о Зарубине и его мрачных легендах. Выложил на стол образцы: контейнеры с почвой, пробирки с насекомыми, куски изжёванной, полуразвалившейся резины.

Мария слушала, не перебивая, лишь изредка наклоняясь, чтобы внимательнее рассмотреть образцы. Её брови слегка приподнимались, когда он упоминал особенно странные детали — например, муравьёв, охотившихся на электронику.

Когда Воронов закончил, она помолчала, постукивая ручкой по столу.

— Это... необычно, — признала она, наконец. — Но пока не вижу ничего сверхъестественного. Возможно, радиационный фон, возможно, местные экосистемы адаптировались к техногенным нагрузкам. Нужно провести анализы.

Воронов кивнул, но внутри у него зашевелилось разочарование. Он ожидал большего — какого-то озарения, а не осторожных научных предположений.

— А легенды? — спросил он, понизив голос. — Зарубин говорил о леших, о грани миров...

Мария усмехнулась, но в её улыбке не было ни тени насмешки — лишь лёгкая задумчивость, будто она взвешивала каждое слово, прежде чем выпустить его в воздух. Она откину-

лась на спинку стула, скрестив руки, и взгляд её, всегда цепкий, теперь казался почти сочувствующим.

— Легенды, — начала она неторопливо, — это всегда способ объяснить то, что выходит за пределы нашего понимания. Люди сочиняют истории, когда сталкиваются с непознанным: облачают страх и неопределённость в образы леших, духов леса, неведомых сил. Но... — она сделала паузу, подбирая слова, — возможно, в этих мифах действительно скрыта крупница правды. Возможно, наши предки, не имея научных инструментов, интуитивно чувствовали напряжение между человеком и природой — хрупкий баланс, который легко нарушить.

Воронов кивнул, но внутри у него зашевелилось нетерпение. Он ждал, что Мария, как учёный, соберёт разрозненные факты в единую картину, объяснит, почему тайга словно оживает, сопротивляясь вторжению.

Она продолжила, осторожно перебирая образцы на столе — контейнеры с почвой, пробирки с насекомыми:

— Что касается насекомых... Возможно, мы имеем дело с новыми разновидностями шершней, которые адаптировались к техногенным условиям. Радиационный фон, химические выбросы, нарушение экосистемы — всё это может стимулировать эволюцию, порождая гибриды, о которых наука пока не знает.

Затем она перевела взгляд на пробирки с муравьями:

— А муравьи... Известно, что некоторые виды проявляют интерес к электрическим полям [Примечание 2]. Исследования показывают, что они способны улавливать слабые электромагнитные сигналы — возможно, для ориентации в пространстве или поиска пищи. Повреждённая электроника, искрящиеся провода на стройке могли стать для них своеобразным «маяком». Не случайно они скапливаются возле сломанной техники: их привлекает энергия, которую мы считаем бесполезной, а они — жизненно важной.

Воронов отчётливо вспомнил, как рабочие, хмуро поправляя каски, жаловались на «нашествие» муравьёв — словно сама земля восставала против стройки. Насекомые появлялись внезапно, облепляя провода и кабели, будто живые, шевелящиеся сети. Они кишели в трещинах бетонных плит, ползли по стенкам траншей, оставляя за собой едва заметные дорожки.

Казалось, что муравьи были крупнее обычных: их тёмно-коричневые тела блестели, как лакированные, а жвала выглядела непропорционально массивными. Рабочие шептались, что насекомые будто чувствовали уязвимые места: облепляли повреждённые участки проводки, словно целенаправленно нарушая связь; скапливались возле блоков электроники.

— Мутации? — Радиация действительно может вызывать генетические изменения, — продолжила она, не отрывая взгляда от насекомого. — Увеличение размеров, аномалии в строении, появление новых органов... Мы наблюдали подобное в зонах техногенных катастроф — Чернобыль, Фукусима. Природа мутирует, приспосабливается к токсичной среде, но порой эти адаптации выглядят... пугающе.

Она показала примеры на экране компьютера с территории Чернобыля: бабочки с крыльями, покрытыми чёрными пятнами, напоминающими ожоги; грызуны с ускоренным метаболизмом, которые, несмотря на мутации, выживали там, где обычная фауна вымирала; деревья, чьи стволы искривлялись, будто пытаются убежать от невидимого излучения.

Она выпрямилась, глядя в окно, за которым мерцала Кама, сверкающая под полуденным солнцем.

— Не стоит забывать, — добавила она, чуть понизив голос, — что человечество до сих пор не знает многого о том, что его окружает. Даже здесь, в центре города, в 2018 году биологи Пермского государственного университета сообщили о 88 новых видах деревьев и кустарников, обнаруженных в городских скверах и парках [Примечание 3]. Семнадцать видов шиповников, восемь — тополей, шесть — боярышников... Это лишь верхушка айсберга. Мы думаем, что изучили планету, но экосистемы продолжают преподносить сюрпризы.

Воронов слушал, и понемногу тревожный гул, что столько дней стоял в висках, будто стихал, оседал, как взвесь в воде, оставляя после себя пусть не покой, но хотя бы передышку. Возможно, Мария права: нет никакого проклятия — лишь природа, отвечающая на грубое вторжение по своим, древним законам, без злобы, но с неумолимой последовательностью. Но в самой глубине души, там, куда не добирался рассудок с его рациональными объяснениями, он знал: всё не так просто. Тайга хранила свои тайны за плотной завесой мхов и переплетённых корней, прятала их в шелесте хвои и в молчании болот. И легенды, которые пересказывал Зарубин, возможно, вовсе не были пустыми сказками, рождёнными суеверным страхом, — скорее эхом чего-то древнего, дремлющего под землёй, под толщей векового хлама и опавшей хвои. Чего-то, что теперь, под натиском человеческих машин, тяжёлым гулом моторов и лязгом металла, начинало медленно пробуждаться, потягиваться, ощупывать границы нарушенного покоя — и искать способ восстановить равновесие.

Мария, словно уловив его мысли, добавила:

— Как эколог, я вижу картину шире. Человечество вторгается в естественные циклы: строит, добывает, загрязняет — и природа отвечает. Иногда это просто адаптация, иногда — бунт. Возможно, Ядерное озеро — точка перелома, где баланс нарушен настолько, что система начинает защищаться.

Она посмотрела на Воронова, и в её взгляде читалось нечто вроде осторожного сочувствия.

— Я проведу все возможные анализы и исследования, — твёрдо сказала она. — Почва, насекомые, резина. Может, мы найдём рациональное объяснение. Но, Лёша... ты уверен, что дело только в этом? Может, тебе стоит отдохнуть?

Она взглянула на него, и в её глазах мелькнуло что-то вроде сочувствия. Воронов промолчал. Он знал, что отдых — не решение.

Пока она записывала список необходимых анализов, он откинулся на скрипучем стуле, вновь ощущая тяжесть рюкзака — и тяжесть тайн, которые, кажется, оживали не только в тайге, но и здесь, в стенах института, где прошлое и настоящее сплетались.

— Знаешь, Мария, суеверия вокруг Ядерного озера — это не просто сказки. Они выросли на стыке науки, страха и древних мифов, сплетённых десятилетиями молчания. Начнём с проекта «Тайга» — советской инициативы, о которой до сих пор известно лишь по обрывкам документов и устным рассказам. Власти десятилетиями держали всё в секрете: ни отчётов, ни публичных заявлений — только глухой забор, за которым, по слухам, творились вещи, способные перевернуть представление о безопасности.

Воронов сделал паузу, наблюдая, как Мария слегка наклоняет голову, будто прислушиваясь к далёким, почти забытым звукам прошлого. Его голос опустился до шёпота, будто он делился чем-то запретным:

— Люди заполняли информационный вакуум мифами. «Духи радиации», «проклятые места»... Но в каждом слухе, возможно, есть крупинка правды. Ведь что мы знаем о том, что произошло здесь в середине прошлого века? Ничего конкретного. Только шёпот, только страх, который передаётся из уста в уста.

— Радиационный страх, безусловно, сыграл свою роль, — продолжил Воронов, и в его голосе прорезалась горечь. — Официально фон держится в рамках «нормы», но локальные очаги... — Он сжал кулак, словно пытаясь сдержать ярость. — Я лично фиксировал всплески до 0,8 микрозивертов в час. Это не смертельно, но достаточно, чтобы вызвать беспокойство, головные боли, усталость. А рабочие? Они жаловались на тошноту, на странные сны, на ощущение, будто земля под ногами дышит.

Он откинулся на скрипучем стуле, глядя в окно, за которым Кама неспешно несла свои воды, равнодушная к человеческим тревогам.

— А начальство? — Воронов усмехнулся, но в смехе не было веселья. — «Всё в порядке, продолжайте работу». Конечно, в порядке! Пока люди не начнут исчезать, пока техника не начнёт ломаться сама по себе, пока насекомые не начнут вести себя так, будто они... разумны.

Мария слушала, не перебивая, не пытаясь вставить ни слова, лишь изредка чуть склоняла голову, будто взвешивала каждую его фразу на какой-то невидимой, только ей известной чаше весов. Но Воронов заметил, как её пальцы — тонкие, с едва заметными следами полевых работ, с маленькими шрамами у ногтей, — едва ошутимо дрогнули, когда он коснулся темы ядерных экспериментов. Возможно, за этой дрожью стояло прошлое её семьи: отец — физик, человек, чьё имя, быть может, значилось в закрытых отчётах тех лет, участник того давнего эксперимента, чьи последствия они теперь, сами того не желая, разгребали по крупицам. Возможно, в её памяти до сих пор жили обрывки разговоров, услышанных в детстве, — полушёпоты взрослых, тревожные паузы, запах озона и бумаги, пропитанной тревогой. Но она промолчала — ни оправданий, ни объяснений, ни горькой усмешки. Лишь чуть плотнее сомкнула губы, будто защёлкнула невидимую застёжку на собственной памяти. И Воронов не стал давить, не полез с расспросами, не попытался выудить то, что она явно не хотела выпускать наружу.

Мария кивнула, не отрывая взгляда от блокнота, где её карандаш стремительно вычерчивал схемы и пометки. Воронов понизил голос, словно опасаясь, что стены кабинета услышат больше, чем следует:

— Но есть и фольклорный пласт. Пермские леса испокон веков окутаны мистикой — легенды о чуди белоглазой, снежном человеке, духах, обитающих в болотах. Эти истории жили здесь задолго до ядерных испытаний. А когда в 1971-м взорвали озеро, техногенная катастрофа наложилась на древний мифологический слой. Получился странный гибрид: радиация, мутанты, призраки рабочих, погибших при взрывах. Теперь это не просто место на карте — это миф, живой и пульсирующий.

Он усмехнулся, но улыбка вышла горькой, будто он сам не верил в то, что говорит, и одновременно боялся, что правда может оказаться ещё страшнее.

— А теперь добавьте современных искателей «аномалий», — продолжил Воронов, слегка наклоняясь вперёд. — Они приезжают сюда, фотографируют светящиеся грибы, выкладывают в интернет снимки «НЛО», рисуют карты «порталов в иные миры». Туристический миф разрастается, как плесень на заброшенном фундаменте. Молодёжь скупает самодельные карты «зон отчуждения», устраивает экспедиции, записывает видео для соцсетей. И знаете, что самое интересное? Они отчасти правы.

Его глаза блеснули, будто отражая отблески огня, которые, возможно, горели где-то в глубинах тайги.

— Реальность и миф здесь переплетаются, как корни и ветви. Наука не подтверждает существование мутантов, но редкие виды растений, искривлённые деревья, рыбы с необычной пигментацией... Всё это воспринимается как аномалии. Люди видят то, что хотят видеть. А удалённость, дикость местности, причудливые оптические эффекты в тумане — они усиливают дезориентацию.

— А ночные звуки? Шёпот ветра, треск веток, далёкий вой... Кто-то слышит в них голоса мертвецов, кто-то — шёпот древних богов.

Он снова откинулся на скрипучем стуле, глядя в окно, за которым темнело озеро, словно поглощающее последние лучи заката.

— В итоге получается сплав: научный страх перед радиацией, древние поверья, современные эзотерические теории. Место притягивает экстремалов, охотников за призраками, блогеров-авантюристов. Но... — Воронов сделал многозначительную паузу, — ...я бы не стал сбрасывать со счетов осторожность. Здесь что-то есть. Может, просто игра разума. Может, нечто большее. Но одно ясно: Ядерное озеро не забыто. Ни природой, ни людьми. Оно живёт в мифах, в слухах, в кошмарах тех, кто осмелился приблизиться.

Мария медленно подняла взгляд, её глаза, обычно холодные и аналитические, сейчас казались чуть растерянными, будто она тоже ощущала тяжесть этого места. Воронов, будто прочитав её мысли, добавил:

— И знаете, в чём ирония? Чем больше мы пытаемся объяснить эти места, тем более загадочными они становятся. Мы пытаемся разложить всё по полочкам, но озеро продолжает шептать свои тайны, ускользая от логики.

Несколько мгновений они молчали. Затем Мария аккуратно закрыла блокнот, словно завершая главу, которая только начиналась и встала. Воронов тоже поднялся, чувствуя, как тяжесть рюкзака немного ослабевает — будто часть груза он передал Марии. Они обменялись рукопожатиями, но на мгновение их ладони задержались, как будто оба понимали: их пути теперь связаны.

— Будем созваниваться или списываться, — мягко произнесла Мария, открывая дверь кабинета. — Раз в неделю, ладно? Мне нужны свежие данные, а тебе — трезвый взгляд со стороны.

— Договорились, — кивнул Воронов, улыбнувшись впервые за весь разговор. — Трезвый взгляд — это то, чего мне сейчас не хватает.

Они попрощались, и, когда дверь захлопнулась, Воронов пошел к набережной и долго сидел на скамейке, глядя на Каму, которая, казалось, текла сквозь время, не замечая ни мифов, ни радиации, ни человеческих страхов.